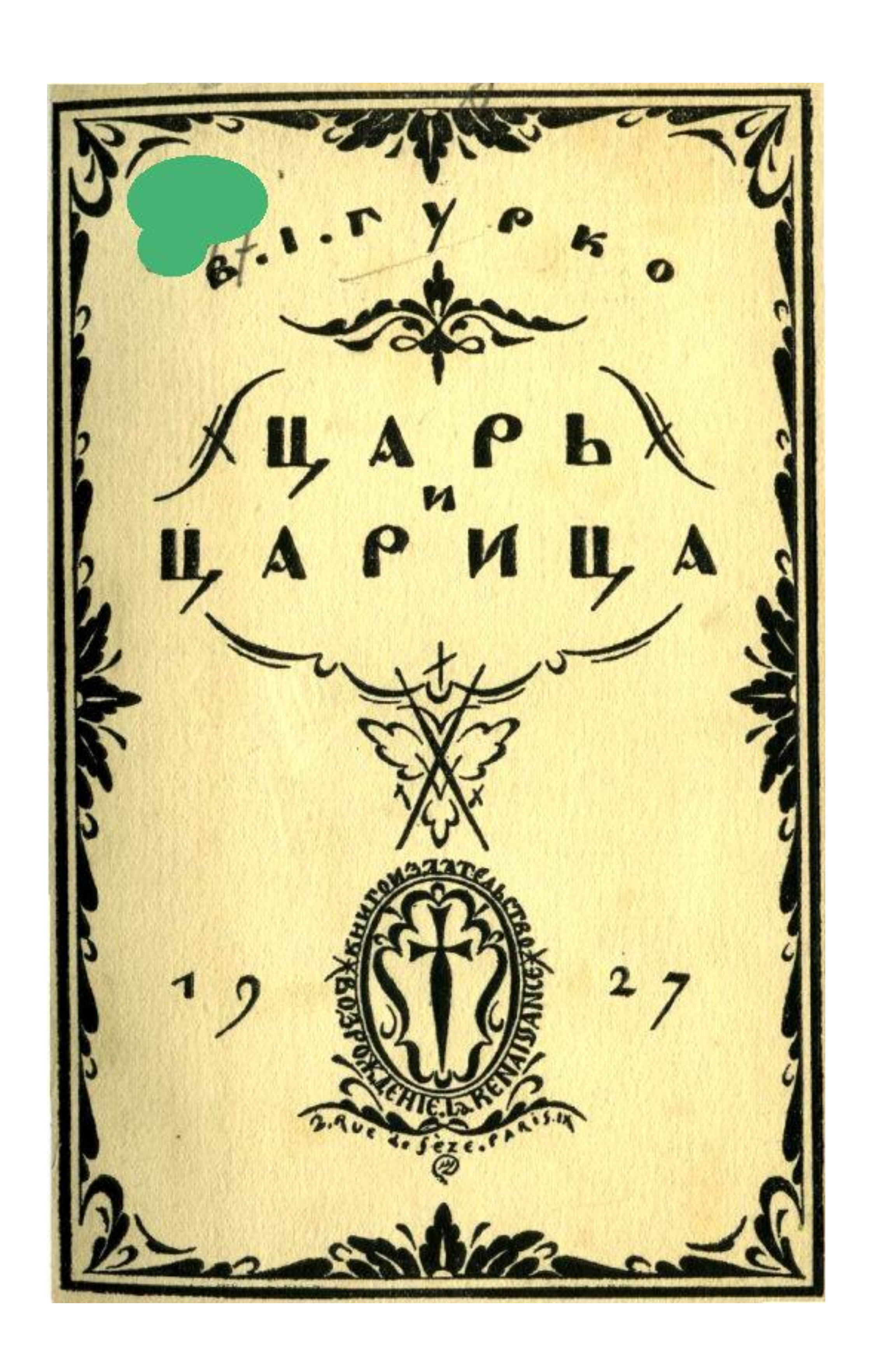

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

I.

Мученическая кончина царской семьи, а тем более испытанные ею несказанные нравственные мучения, перенесенные с таким мужеством и высоким подъемом духа, обязывают относиться к памяти покойного Государя и его супруги с особливой почтительностью и осторожностью.

Эти страдания — сравнительно недавнее прошлое. Впечатление совершенного в Екатеринбурге злодеяния столь живо и неизгладимо, что чрезвычайно трудно подходить к определенно умственного склада и духовного облика Царя и Царицы путем беспристрастного объективного анализа, всецело подчинив ему волнующие нас чувства. Но разобраться в сложных и разнообразных причинах разрушения русской государственности без выяснения основных свойств Николая II и его супруги невозможно. Участие в государственной жизни России и влияние на ход событий не только Царя, но и покойной Царицы слишком для этого значительно; оно должно быть признано едва ли не решающим.

Николай II, а в равной с ним степени и Александра Феодоровна, принадлежат отныне истории, и, думается, что чем скорее отдельные лица попытаются извлечь правду из множества противоречивых, тенденциозных и далеко не **{6}** беспристрастных отзывов современников об этих глубоко несчастных носителях царского венца, тем легче будет будущему историку отделить последствия властвования Николая II и деятельного вмешательства Александры Феодоровны в дела государственного правления от их внутренних душевных качеств. Ныне, пока еще живы многие лица, близко знавшие Николая II и Александру Феодоровну, легче, не впадая в грубые ошибки, восстановить их духовный образ.

Дать верную характеристику убиенной Царицы задача не легкая, настолько природа ее была сложная, многогранная, а в некоторых отношениях даже противоречивая. Рассудительность и страстность, мистицизм и непоколебимая верность воспринятым ею отвлеченным теориям и усвоенным принципам каким то странным образом в ней настолько переплетались и уживались, что порой решительно недоумеваешь, чем вызвано то или иное принятое ею решение — порывом ли ее страстной природы, слепой ли верой в нечто, навеянное ей тем лицом, которое она почитала за выразителя абсолютной истины, или неуклонным соблюдением укоренившегося в ней принципа?

Одно лишь можно утверждать с уверенностью, а именно, что по природе своей Александра Феодоровна была, прежде всего, страстная, увлекающаяся женщина, с необыкновенной настойчивостью и жаром преследующая раз намеченную цель. Присущая же ей рассудительность была лишь продуктом полученного ею англо-протестантского воспитания, пропитавшего ее рационализмом, равно как высокими и стойкими принципами пуританизма. Вследствие этого во всех повседневных делах, не захватывавших ее личных жгучих интересов, она отличалась рассудительностью. Но, **{7}** коль скоро вопрос касался того, что живо ее затрагивало, неудержимая страстность брала верх.

В одном лишь отношении природа и полученное воспитание сошлись вполне, — они выработали в Александре Феодоровне абсолютную правдивость, а отсюда прямоту и определенность высказываемых ею суждений. В этом отношении Царица не сходилась

характером со своим супругом, напоминавшим, по скрытности и умению таить свои истинные чувства и намерения, византийство Александра I.

В частной семейной жизни Александра Феодоровна была образцом всех добродетелей. Безупречная, страстно любящая супруга, примерная мать, внимательно следящая за воспитанием своих детей и прилагающая все усилия к их всестороннему развитию и укреплению в них высоких нравственных принципов; домовитая, практичная и даже рассчетливая хозяйка, — вот как рисуют Александру Феодоровну все ее приближенные. Наряду с этим, она неизменно интересовалась широкими отвлеченными вопросами общего, даже философского, характера, а женская суетность была ей абсолютно чужда; например, нарядами она вовсе не интересовалась.

Во всех конкретных, доступных ее пониманию, вопросах Государыня разбиралась превосходно, и решения ее были столь же деловиты, сколь и определенны.

Все лица, имевшие с ней сношения на деловой почве, единогласно утверждали, что докладывать ей какое либо дело, без предварительного его изучения, было невозможно. Своим докладчикам она ставила множество определенных и весьма дельных вопросов, касающихся самого существа предмета, причем входила во все детали и в заключении давала столь же властные, сколь **{8}** точные указания. Так говорили лица, имевшие с ней дело по различным лечебным, благотворительным и учебным заведениям, которыми она интересовалась, равно и заведывавшие кустарным делом, которым ведал, состоявший под председательством Государыни, кустарный комитет.

Вообще, Александра Феодоровна была преисполнена инициативы и жаждала живого дела. Мысль ее постоянно работала, в области тех вопросов, к которым она имела касательство, причем она испытывала упоение властью, чего у ее царственного супруга не было.

Николай II принуждал себя заниматься государственными делами, но по существу они его не захватывали. Пафос власти ему был чужд. Доклады министров были для него тяжкой обузой. Стремление к творчеству у него отсутствовало.

Всего лучше чувствовал себя Николай II в тесном семейном кругу. Жену и детей он обожал. С детьми он состоял в тесных дружеских отношениях, принимал участие в их играх, охотно совершал с ними совместные прогулки и пользовался с их стороны горячей неподдельной любовью. Любил он по вечерам громко читать в семейном кругу русских классиков.

Вообще более идеальной семейной обстановки, нежели та, которая была в Царской семье, представить себе нельзя. На почве общего разложения семейных нравов как русского так и западно-европейского общества, семья русского самодержца представляла столь же редкое, сколь и сияющее исключение.

Общественная среда, бывшая по сердцу Николаю II, где он, по собственному признанно, отдыхал душой, была среда гвардейских офицеров, вследствие чего он так охотно принимал **{9}** приглашения в офицерские собрания наиболее знакомых ему по их личному составу гвардейских полков и, случалось, просиживал на них до утра.

Гнусная, кем-то пущенная клевета, что Николай II имел пристрастие к вину и чуть ли не страдал алкоголизмом, — абсолютная ложь. Проведя целую ночь в офицерском собрании, Государь, возвратясь под утро во дворец, принимал ванну и тотчас же приступал к своим

ежедневным занятиям, причем его докладчики и представить себе не могли, что он провел бессонную ночь.

К тому, что называется кутежем, у Николая II не было склонности даже в самые молодые годы. Привлекали его офицерские собрания царствовавшей в них непринужденностью, отсутствием тягостного придворного этикета: любил он и беседы, которые там велись об охоте, о лошадях, о мелочах военной службы; нравились ему солдатские песни, веселые рассказы, смешные анекдоты, до которых он был охотник; во многом Государь до пожилого возраста сохранил детские вкусы и наклонности. В его дневнике перечисляются любимые им развлечения и все они ребячески наивны. Там, например, мы читаем: «баловался голыми ногами в ручье». Был он любителем физического труда, которому усиленно предавался и после отречения. Привлекал его и спорт во всех его видах, о чем можно судить по записям того же дневника, но он уделял ему лишь незначительную часть своего времени.

Главной отличительной чертой его характера была всепроникающая самоотверженная преданность исполнению того, что он почитал своим царским делом. Даже ежедневными своими **{10}** прогулками, которыми, судя по тому же дневнику, он особенно дорожил, он часто жертвовал для исполнения своих разнообразных царских обязанностей. Исполнял он эти обязанности и занимался государственными делами с необыкновенной усидчивостью и добросовестностью, но делал это из принципа, почитая своим священным долгом перед врученной ему Богом державой посвящать служению ей все свое время, все свои силы; тем не менее, живого интереса к широким вопросам государственного масштаба Николай II не испытывал.

Характерны в этом отношении некоторые записи дневника Николая II, относящиеся ко времени его возвращений из Ливадии, где он почти ежегодно некоторое время отдыхал: «Опять министры с их докладами!», — читаем мы, например.

Министры знали, насколько их доклады утомляли Государя, и старались по возможности их сокращать, а некоторые стремились даже вносить в них забавные случаи и анекдоты. Особенно отличался в этом отношении министр внутренних дел известный анекдотист Н. А. Маклаков; прибегали к этому средству и некоторые другие; так в дневник статс-секретаря А. А. Половцова отмечено, что при посещении министра иностранных дел, гр. Муравьева, одним из его сотрудников, Муравьев с озабоченным видом ему сказал: «думаю, чем бы я мог завтра на моем докладе рассмешить Государя».

Впрочем, краткости докладов министров весьма содействовала способность Царя на лету с двух слов понять в чем дело, и ему нередко случалось перебивать докладчика, кратким досказом того, что последний хотел ему разъяснить.

{11} Да, в отдельных вопросах Николай II разбирался быстро и правильно, но взаимная связь между различными отраслями управления, между отдельными принимаемыми им решениями, от него ускользала.

Вообще синтез по природе был ему не доступен. Как кем-то уже было замечено, Николай II был *миниатюрист.* Отдельные мелкие черты и факты он усваивал быстро и верно, но широкие образы и общая картина оставались как бы вне поля его зрения.

Естественно, что при таком складе его ума абстрактные положения с трудом им усваивались, юридическое мышление было ему

чуждо.

Обладал Николай II исключительной памятью. Благодаря этой памяти, его осведомленность в разнообразных вопросах была изумительная. Но пользы из своей осведомленности он не извлекал. Накапливаемые из года в год разнообразнейшие сведения оставались именно только сведениями и совершенно не претворялись в *жизнь,* ибо координировать их и сделать из них какие либо конкретные выводы Николай II был не в состоянии. Все, почерпнутое им из представляемых ему устных и письменных докладов, таким образом, оставалось мертвым грузом, использовать который он, по-видимому, и не пытался.

Общепризнанная черта характера Николая II — его слабоволие, было своеобразное и одностороннее.

Слабоволие это состояло в том, что он не умел властно настоять на исполнении другими лицами выраженных им желаний, иначе говоря, не обладал даром повелевать. Этим, между прочим, в большинстве случаев и обусловливалась смена им министров. Неспособный заставить **{12}** своих сотрудников безоговорочно осуществлять высказываемые им мысли, он с этими сотрудниками расставался, надеясь в их преемниках встретить боле послушных исполнителей своих предположений.

Однако, если Николай II не умел внушить свою волю сотрудникам, то и сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем либо Царя и навязать ему свой образ мыслей.

Мягкохарактерный и, потому бессильный заставить людей преклоняться перед высказанным им мнением, он, однако, отнюдь не был безвольным, а наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений. Говоря словами Сперанского про Александра I, с которым Государь имел вообще много общего, Николай II не имел достаточно характера, чтобы непреклонно осуществить свою волю, но не был и достаточно безволен, чтобы искрение подчиниться чужой воле. Стойко продолжал он лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям, благодаря чему и создавалось впечатление двойственности его характера, которая столь многими отмечалась и ставилась ему в упрек.

Насколько Николай II в конечном результате следовал лишь по путям собственных намерений, можно судить по тому, что за все свое царствование он лишь раз принял важное решение вопреки внутреннему желанию под давлением одного из своих министров, а именно 17-го октября 1905 года, при установлении народного представительства.

Впоследствии Витте, в особой поданной им записке, стремился убедить Царя, что манифест означенного числа был издан не по его, Витте, настоянию, так как он тогда же указывал и **{13}** на другой выход из создавшегося в стране положения — на принятие драконовских мер против возникших народных волнений и лишь прибавил, что он — Витте — для этого не пригоден. Но обмануть Царя Витте не удалось и Николай II сохранил к нему определенно неприязненные чувства.

Основной причиной указанного внешнего слабоволия Николая II была его в высшей степени деликатная природа, не дававшая ему возможности сказать кому-либо в лицо что-нибудь неприятное. Вследствие этого, если он признавал необходимым выразить кому либо свое неудовольствие, то делал это неизменно через третьих лиц. Таким же образом расставался он со своими министрами, если не прибегал к письменному, т. е. заочному их о том извещению.

Происходило это, как вообще у мягкосердечных людей, не решающихся причинять огорчение своему собеседнику, не от сожаления к огорчаемому, а от невозможности переделать себя и заставить перешагнуть через испытываемое при этом тяжелое чувство.

Доказательством именно указанного происхождения слабоволия Николая II может служить, между прочим, и то, что личной приязни в своим сотрудникам, даже долголетним, Николай II не питал совершенно. Ни в каких личных близких отношениях ни с одним из них он не состоял и с прекращением деловых отношений порывал с ними всякую связь. Можно даже утверждать обратное, а именно, что чем дольше сотрудничал он с каким-нибудь лицом, тем менее дружественно он к нему относился, тем менее ему доверял и тем охотнее с ним расставался. **{14}** Причины этого, на первый взгляд нелояльного явления были разнообразны.

Тут сказывалась и свойственная Государю склонность увлекаться новыми лицами и даже новыми мыслями. К тому же можно сказать, что в течение всего своего царствования Николай II искал такое лицо, которое бы добросовестно и умело осуществляло его мысли, оставаясь при этом в тени и не застилая собою его самого.

В каждом своем новом сотруднике он надеялся найти именно такого человека, и этим обусловливался тот фавор, которым пользовались в течение некоторого времени все вновь назначаемые министры. Продолжался этот период тем короче, чем большую инициативу и самостоятельность проявляло новое, призванное к власти лицо.

В проявлениях инициативы со стороны своих министров Николай II усматривал покушение узурпировать часть его собственной царской власти. Происходило это не только от присущего ему обостренного самолюбия, но еще и потому, что у него отсутствовало понимание различия между *правлением и распоряжением,* вернее говоря, в его представлении правление государством сводилось к распоряжениям по отдельным конкретным случаям. Между тем, фактически всероссийский император силою вещей мог только править, т. е. принимать решения общего характера и широкого значения, распорядительная же часть поневоле всецело сосредоточивалась в руках разнообразных начальников отдельных частей сложного государственного механизма и всего ярче выявлялась в лице отдельных министров.

При отмеченном отсутствии в сознании Государя точного разграничения понятий *правления* и *распоряжения,* на практике получалось то, что **{15}** чем деятельнее был данный министр, чем большую он проявлял активность и энергию, *тем* сильнее в сознании Царя укреплялась эта мысль о посягательстве на его, царскую, власть и тем скорее такой министр утрачивал царское доверие. Именно эту участь испытали два наиболее талантливые сотрудники Николая II — Витте и Столыпин.

Любопытно, что Государь и сам признавал, что нахождение данного лица в должности министра ослабляло к нему его доверие. В дневнике А. Н. Куропаткина имеется этому прямое подтверждение. Куропаткин, усматривая, что доверие к нему Государя уменьшается, просил однажды Царя об увольнении его от должности военного министра добавив при этом, что, коль скоро он перестанет быть министром, он будет надеяться, что царское доверие к нему вновь возрастет, на что ему в ответ Государь откровенно сказал: «как это не

странно, но в этом отношении вы, пожалуй, правы».

Ревнивым отношением к лицам, им самим поставленным во главе отдельных отраслей управления, объясняется и стремление Государя пользоваться указаниями людей безответственных, не облеченных никакой властью. Николаю II казалось, что, стоящие в стороне от управление государством, посягать на его прерогативы никак не могут, а потому, следуя их советам, он был убежден, что проявляет непосредственно свою личную волю. Отсюда становится понятным и то влияние, которым в течение известного времени пользовались такие безответственные советчики, как кн. В. П. Мещерский и виновник японской войны А. М. Безобразов, а также приближенные ко двору, но не имевшие по своей должности никакого касательства к государственным **{16}** делам дворцовые коменданты П. П. Гессе, Д. Ф. Трепов, В.Н. Воейков и, наконец, друг Царицы, А. А. Вырубова.

Стремление принимать решения помимо соответствующих министров проявилось у Николая II уже в первые годы его царствования. Ярким примером в этом отношении является случай, имевший место в 1897 году с неким Клоповым, мелким новгородским землевладельцем. Названный Клопов, введенный во дворец одним из великих князей, был человек необыкновенно чистый, далеко неглупый, но совершенно неприспособленный к какому либо практическому делу за полным отсутствием в его действиях системы и методики. Представлял он при этом какое то странное смешение духа произвола с стремлением к установлению абсолютной справедливости. Всякая несправедливость, всякая нанесенная кому-либо обида его глубоко волновали и возмущали и он готов был попрать все порядки и все законы для восстановления прав обиженного, не соображая, что, нарушая закон для восстановления справедливости по отношению к отдельному лицу, он тем самым разрушает весь государственный строй и гражданский порядок. Словом, он принадлежал к числу тех фантазеров, которые мечтают путем личного усмотрения исправить все те людские нестроения, которые закон в его формальных проявлениях ни уловить, ни, тем более, упразднить не в состоянии.

Вот этого то Клопова, прельстившись его идеальной настроенностью, Государь лично командировал в 1897 году в местности, постигнутая недородом, для доклада об истинном положении населения и о степени действительности мер, принятых для обеспечения его достаточным **{17}** питанием. Государь лично дал Клопову необходимые на эту командировку средства, в размере, впрочем, весьма ограниченном — всего 300 рублей, — но, кроме того, снабдил его собственноручной запиской, в силу которой власти должны были беспрекословно исполнять все предъявляемые Клоповым требования.

Первым действием Клопова было обращение е этой запиской в министерство путей сообщения для получения свободного бесплатного проезда по всем железным дорогам России. Получив соответственное для этого удостоверение, Клопов пустился в путь, причем первой его остановкой был город Тула, где он и не замедлил предъявить местной администрации свою полномочную грамоту. Можно себе представить смущение местной власти, конечно, не замедлившей доложить об этом невиданном случае министру внутренних дел, каковым был в то время И.Л. Горемыкин. Смущен был, разумеется, в свою очередь, и министр, но, однако, не задумался тотчас объяснить Государю бесцельность и совершенную невозможность командировок безответственных лиц,

вооруженных по воле Царя почти неограниченными полномочиями. В результате Клопов был вызван обратно в Петербург, полномочие от него отобрано и тем формально все дело и кончилось. Однако, сношения Государя с Клоповым не прекратились и он продолжал в течение довольно продолжительного периода оставаться одним из закулисных царских советчиков по разнообразнейшим вопросам внутреннего управления.

{18}

2.

Неудача с командировкой Клопова однако, не отняла у Государя желания и в дальнейшем, минуя министров, проявлять свое личное усмотрение в государственных делах. Убедившись в невозможности распоряжаться непосредственно в вопросах, касающихся текущего повседневного управления страной, Николай II перенес свое внимание в другую область, где, ему казалось, имеется больший простор для его личной инициативы, для его свободного личного усмотрения. Он заинтересовался сферой международных отношений, и в этом, думается, и надо искать причину нашей воинственной дальневосточной политики.

Дабы уразуметь происхождение этой политики, надо припомнить, что Николай II до воцарения своего впервые прикоснулся к государственной деятельности именно на Дальнем Востоке. Первое его публичное выступление в качестве Наследника русского престола произошло на русских берегах Тихого океана, куда он прибыл после своего морского путешествия по странам Азиатского Востока. Но этого мало. Вернувшись в столицу, после поездки через всю Сибирь, он был назначен председателем комитета по сооружению Сибирского железнодорожного пути, имевшего задачей не одно только это сооружение, но и общее **{19}** развитие Сибири и в том числе наших дальневосточных владений. Таким образом, покойный Государь еще в бытность Наследником подошел к управлению Россией со стороны Дальнего Востока и вопросов, связанных с укреплением там нашего владычества.

Естественно, что вопросы эти привлекали его особенное внимание и были ему ближе знакомы, а тем самым и более дороги, нежели всякие иные.

До Николая II ни один русский император, ни до, ни после воцарения, не посетил Сибири и Дальнего Востока, и потому молодой Государь здесь чувствовал себя пионером. Его юное воображение неизбежно должно было рисовать ему возможность навсегда связать свое имя с дальнейшим развитием русской государственности и расширением наших пределов на берегах Тихого океана. В этой мысли его горячо поддерживали и некоторые из его спутников на восток, с которыми он во время этого путешествия сблизился. Среди них в этом отношении особенно выделился кн. Э. Э. Ухтомский. В составленном им подробном описании путешествия, прошедшим до опубликования через личную цензуру Цесаревича, Ухтомский развивал ту мысль, что задачи России на Дальнем Востоке необъятны, открывают неограниченные возможности и требуют особливого внимания. При этом в своей последующей публицистической деятельности Ухтомский усиленно доказывал, что Россия на Западе, и вообще на европейском материке достала крайних пределов своего возможного владычества, которое при этом настолько окрепло, что не требует дальнейших забот об его вящем укреплении. Наоборот, на Дальнем Востоке исторические задачи России еще далеко не **{20}** исчерпаны и туда именно должна быть направлена энергия русского народа.

Мысль эта встретила у молодого Государя тем более благодарную почву и живой отклик, что в неведомых ему и далеко не вполне им

постигаемых сложнейших вопросах управления коренной Россией он поневоле был вынужден следовать указаниям своих министров и на опыте убедился, что осуществлять здесь те смутные общие мысли, которые у него возникали, он не в состоянии. Здесь был прочно установленный, быть может, рутинный, но тем тверже соблюдаемый порядок разрешения государственных вопросов, и всякие экспромтные планы даже самодержцу было не под силу привести в исполнение. Случай с Клоповым ему это доказал на деле.

Под этим двойным давлением, а именно: под влиянием воспринятых в юношества ярких впечатлений своего путешествия по азиатским владениям России и под гнетом чувства своего бессилия проявить личную инициативу в делах управления ядром государства, Николай II должен был роковым образом направить свои взоры к Сибири и к берегам Тихого океана и там искать возможности не только руководить деятельностью министров, но и самостоятельно распоряжаться.

Такому направлению мыслей Государя несомненно способствовали и некоторые министры, а среди них в особенности Витте. Они чувствовали, что в какой либо области необходимо предоставить Государю возможность осуществлять возникающие у него мысли. Такою областью им естественно представлялись Сибирь и Дальний Восток, которые имели в их глазах наименьшее значение, где они сами не проявляли никакой инициативы и где вообще всякие опыты были **{21}** сопряжены, по их мнению, с наименьшим риском для нормального развития государства.

Устремить внимание Николая II в сторону Тихого океана старался, кроме того, и император Вильгельм. Он рассчитывал таким путем парализовать деятельное участие России в разрешении европейских международных вопросов и стать самому суперарбитром Европы, чего он всемирно добивался. Известно то приветствие, которое Вильгельм II сигнализировал Государю, отплывая в июне 1897 года после посещения им Петербурга, из вод Балтики: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана». Характерно, что непосредственный толчок на занятие нами Порт-Артура дал тот же Вильгельм II занятием китайского порта Киао-Чжоу.

Та необычайная легкость, с которой нам удалось вскоре после этого получить в свое обладание Квантунскую область, а вслед за этим обеспечить себе исключительное положение в Манчжурии, вероятно, также повлияли на дальнейшее отношение Николая II к Дальнему Востоку.

Продолжительное, совершенное на лошадях, путешествие через всю Сибирь имело вообще пагубное влияние на политические взгляды Николая II. Оно вселило в Государи превратное представление о степени мощи русского государства. Безбрежные, мало населенные сибирские пространства и исключительное богатство широко обеспеченного землей сибирского населения должны были привести Наследника к убеждению, что Россия всесильна. Последовавшая по первому нашему требованию уступка нам Китаем целой области, конечно, еще более упрочила это убеждение. На этой почве, разыгрывается фантазия. Воображению Николая II рисуется возможность подчинить **{22}** русскому владычеству и иные азиатские страны. В дневнике Куропаткина имеется определенное утверждение, что Государь мечтал не только о присоединении Манчжурии и Кореи, но даже о захвате Афганистана, Персии и Тибета.

Таким образом, политическая мысль Николая II, как это ни странно, колебалась между двумя крайностями: с одной стороны, он интересовался лишь вопросами мелкими, второстепенными и только в их пределах проявлял свою личную волю, а с другой, — предавался мечтам совершенно фантастическим, где мысль его выходила из пределов его огромного царства и получала нереальные очертания.

Любопытно, что одновременно с этим Государь, видимо, сознавал свое слабоволие, (в одном из писем к Императрице, он прямо говорит о своей крошечной воле, — my tiny will) — искренно этим мучился, постоянно пытался его побеждать, и, случалось, что побеждал. Победа над самим собою его глубоко радовала. Так, когда он настоял, вопреки решительным возражениям всего состава правительства, на принятии на себя во время войны верховного командования армией, он испытал, как это видно из его писем к Александре Феодоровне, чувство необыкновенного удовлетворения. Такая победа, увеличивая его уверенность в самом себе, давала ему, кроме того, силу настоять на своем при последующих разногласиях со своими сотрудниками. Можно даже предполагать, что несколько таких побед, в особенности, если бы последующие события оправдали правильность проявленной им решимости, как это было в вопросе о верховном главнокомандовании, поселили бы в нем абсолютную несговорчивость. Глубоко заложенная в нем по наследству от его пращура, **{23}** Императора Павла, склонность к произволу могла бы тогда сказаться в полной мере.

Необходимо, кроме того, иметь в виду, что главной причиной уступчивости Николая II своим министрам в вопросах широкого государственного значения была его неуверенность в самом себе, подкрепленная сознанием своей малой компетентности в сложных политико-экономических проблемах. Дело в том, что те разнообразные, но разрозненные сведения, которыми он обладал по различным частным вопросам, конечно, не могли ему дать общего понимания основных законов, господствующих в сложных социальных строениях и сношениях.

Именно поэтому в вопросах частных, не захватывающих какой либо стороны государственного строительства, где данное решение не имело, или казалось что не имело, общего широкого значения, Николай II проявлял необыкновенную настойчивость, переходящую в упрямство. В этих вопросах министры были совершенно бессильны отговорить Государя от осуществления высказанного им намерения.

Но было одно лицо, воле которого он никогда не мог противостоять, забиравшее над ним с годами все большую власть — страстно любимая им супруга. С несговорчивыми министрами Николай II справлялся путем простого увольнения в отставку, что было ему тем легче, ибо к ним лично, как я уже упоминал, он вовсе не привязывался. В ином положении была Александра Феодоровна. Расстаться с ней он и мысли не допускал, а потому молча, порой стиснув зубы, выносил ее гнет, выйти из под которого он, однако, неоднократно стремился. Не имея достаточно мужества оказать ей явное сопротивление, он прибегал в таких случаях к **{24}** пассивной обороне. Так он систематически не отвечал на некоторые, обращаемые к нему Царицей, предложения и вопросы.

«Я тебе четыре раза телеграфировала о Хвостове (кандидате Александры Феодоровны в министры внутренних дел) и ты мне все не отвечаешь», — писала Государыня в сентябре 1915 года.

Если Николай II не решался прямо возражать против политических планов и проектов Александры Феодоровны, то всемирно оттягивал их осуществление, что вызывало, например, такие замечания в письмах Царицы: «ты, мой друг, немного медлителен».

Но подобный образ действий возможен был лишь когда Николай II был в разлуке с женой. При непосредственном общении с ней он лишен был возможности так действовать. Императрица это вполне сознавала и, не обинуясь, ему это высказывала: «Я ненавижу, — писала она ему, — когда мы врозь. Другие тобой сейчас завладевают».

Тем не менее, абсолютного внутреннего подчинения воле Государыни, даже в самый последний период царствования, у Государя не было, и, быть может, никогда за всю свою женатую жизнь не приложил он столько усилий к отстаиванию собственных намерений, как именно в последний год царствования. Так, при внимательном просмотре всех, изложенных в письмах Царицы, требований, обращенных к Государю, выясняется, что многие из них остались неисполненными.

Правда, что некоторые пожелания Императрицы, свидетельствующие, между прочим, о непонимании ею русского государственного строя и **{25}** пределов усмотрения даже самой деспотической власти, Государь фактически не мог исполнить.

К числу подобных желаний относятся: — исключение из Государственного Совета епископа Никона, входившего в его состав по избранию духовенства, одновременная смена всех членов Св. Синода и, наконец, требование, чтобы у председателя Государственной Думы было отнято придворное звание. Каким то непостижимым образом Государыня не понимала, что демонстративное исключение из состава лиц, облеченных придворным званием, избранника всего народного представительства было бы равносильно открытому разрыву со всем культурным населением страны и привело бы не к нанесению ущерба влиянию и значению Родзянко, а, наоборот, к созданию ему среди взбаламученной общественности исключительной популярности.

Время, когда выражение царской немилости приводило к тому, что общественность мгновенно отшатывалась от лица, ей подвергшегося, давно миновало и на практике происходило часто обратное.

Если Николай II не умел повелевать другими, то собой он, наоборот, владел в полной степени.

Действительно, самообладание его было исключительное, а соблюдение того, что он почитал своим долгом, достигало необычайной самоотверженности.

Сказалось это с первого момента вступления на престол.
Как это видно из его дневника, еще накануне предаваясь детским забавам, он, став монархом, сразу влег в рабочий хомут и распределил почти все свое время между своими разнообразными царскими обязанностями, не взирая **{26}** на то, что встретил он свое восшествие на престол, помимо испытываемого горя от смерти любимого отца, вообще, с большим огорчением. Он имел в виду, как раз в это время стать командиром столь любимого им Л.-Гв. Гусарского полка и с сожалением увидел крушение этой своей мечты, что откровенно и высказал. Тут уже вполне ясно выявился уровень его умственных влечений: командование кавалерийским полком его больше привлекало, нежели управление великой Империей.

Безграничное самообладание Николая II ярко свидетельствовало, что слабоволие его было лишь внешним и что внутренне он был,

наоборот, до чрезвычайности упорен и непоколебим.

О степени самообладания Николая II можно судить хотя бы по тому, что никогда его не видели ни бурно гневным, ни оживленно радостным, ни даже в состоянии повышенной возбужденности. Можно было даже думать, что ничто его не затрагивает за живое, не возмущает, не огорчает, и не радует, словом, что он отличается необыкновенной флегматичностью и индифферентизмом.

Между тем, по утверждению всех лиц, имевших возможность по ежедневной близости к Царю проникнуть в его внутреннюю природу, Николай II отнюдь не был индифферентен. Многие вопросы он принимал очень близко к сердцу, а некоторые явления вызывали в нем сильнейший гнев, который он, тем не менее, имел силу всецело скрывать под маской спокойствия и даже равнодушия. Овладевавшие им в минуты гнева чувства выражались, по словам его приближенных лишь в том, что глаза его становились как бы пустыми, вперялись в пространство, причем он производила впечатление человека, **{27}** ушедшего мыслью куда-то вдаль и ничего не только не замечающего, но и не видящего.

Внешний индифферентизм Государя, его кажущаяся бесстрастность сильно вредила его популярности, способы создания которой были ему вообще совершенно чужды.

Так в Петербурге с возмущением передавали о том, как Государь легко отказался в пользу Японии, ради заключения с ней мира, от половины острова Сахалина. Посол Сев. - Американских Штатов, по совету которого была сделана эта уступка, приехал во дворец когда Царь играл в теннис. Когда доложили о приезде посла, он спокойно прекратил игру, а, затем, после переговоров с ним, решивших судьбу Сахалина, вернулся к прерванной партии, не выказывая ни малейшего волнения. Утверждали также, что он отнесся спокойно, если не равнодушно, к гибели нашего флота в 1905 году у Цусимы. Между тем, из письма Государя к Императрице, от 12 июня 1915 г., выясняется, что значительно меньшее по своему значению поражение наших войск, а именно победа германцев под Сольдау в сентябре 1914 г., вызвало у Николая II сердечный припадок: «Я начинаю ощущать, — пишет он по этому поводу, — мое старое сердце. Первый раз, ты помнишь, это было в августе прошлого года после Самсоновской катастрофы, и теперь опять».

Самообладание, умение скрывать свои истинные чувства было у Государя столь постоянно, что наиболее часто видевшие его лица, в том числе и министры, никогда не знали истинного его отношения к ним, не могли они даже определить, какие их слова, предположения и действия не соответствовали желаниям Государя, вследствие чего увольнению их от занимаемой должности **{28}** было для них в большинстве случаев неожиданностью. Так произошло увольнение Поливанова, получившего извещение Государя о том, что он решил расстаться с ним как с военным министром непосредственно после доклада, на котором речь шла, между прочим, о вопросах, составлявших предмет следующего очередного доклада Поливанова Государю. То же самое испытал в ноябре 1916 г. председатель совета министров, Горемыкин, которого Николай II ценил, однако, едва ли не более всех остальных своих сотрудников.

Выработанное Николаем II необыкновенное умение таить про себя свои чувства сослужило ему впоследствии огромную службу. Именно оно дало ему возможность перенести с таким необыкновенным достоинством и спокойствием все ужасы заточения в Тобольске, и в Екатеринбурге.

Исключительное самообладание давало Царю силы проводить

целые часы за неустанным чтением представляемых ему докладов и подробных записок. В этом тягостном и неинтересном для него занятии он полагал главное исполнение своего долга и не отступал от него. «Я никогда не позволю себе идти спать, — говорил он, — пока совсем не расчищу моего письменного стола».

Понятно, что при таких условиях Императрица, — в течение всей своей замужней жизни свидетельница самоотверженного служения Николая II, — писала из Тобольска, что она в особенности возмущена черной неблагодарностью страны к Государю, очевидно, не постигая, что люди благодарны не за добрые по отношению к ним намерения, а лишь за плоды работы в их пользу.

Будучи почти в равной степени со своим супругом человеком долга и неизменного соблюдения определенных принципов, Александра **{29}** Феодоровна далеко не всегда была в состоянии побороть свои чувства и настроения.

Насколько воля Николая II сосредоточивалась почти всецело на нем самом и внешне почти не проявлялась, настолько, наоборот, у Царицы сила ее воли вся выявлялась наружу. Она умела настоять на исполнении другими ее пожеланий, которые она высказывала в императивной форме, но собою она владела далеко не всегда и, случалось, весьма бурно выражала овладевавшие ею в данную минуту чувства, впадая даже порою в истерические припадки. К ним она, по-видимому, прибегала в крайних случаях и сознательно для получения согласия Государя на то, с чем он упорно не соглашался. Устоять перед истерикой страстно любимой им женщины Николай II не был в состоянии, в чем будто бы в отдельных случаях и сознавался.

{30}

3.

Одним из характерных явлений того периода царствования Николая II, который протекал после введения в русский государственный строй народного представительства, была необыкновенно частая смена ближайших сотрудников Царя — начальников отдельных отраслей управления.

Министры, большинство коих чрезвычайно дорожило своим положением и не отличались непоколебимой стойкостью политических убеждений, именно с этого времени почему то оказались в глазах Государя сотрудниками непослушливыми, не желающими усваивать его взгляды и безоговорочно их исполнять.

Объяснения этого явления надо, думается, искать, между прочим, в том, что ограничения царской власти, провозглашенного манифестом 17 октября 1905 года и закрепленного в 1906 году новым содержанием Основных Законов Империи, Николай II определенно не признавал. Правда, самого факта издания этого манифеста он никогда не мог простить ни себе самому, ни тем, которые его к тому подвинули, и в душе, по-видимому, лелеял мысль манифест этот со временем отменить, но, тем не менее, упразднения самодержавия он в нем не усматривал.

После издания октябрьского манифеста не все, **{31}** отдаваемые Царем, приказания были осуществимы; исполнять их министры были не в состоянии, а Государь усматривал в высказываемых ими возражениях игнорирование его державных прав и внутренне сердился.

Надо в особенности отметить, что представление Николая II о пределах власти русского самодержца было во все времена превратное.

«Империя Российская управляется на твердом основании законов от неограниченной самодержавной власти исходящих», — гласили наши Основные Законы прежнего, до 1906 г., издания, что означало подчиненность этим законам и Самодержавного Царя. До учреждения народного представительства, от воли Государя зависело самовластно и единолично отменить закон и издать новый, но поступить вопреки действующему закону он права не имел. Между тем, Николай II до самого конца своего царствования, этого положения не признавал и неоднократно, по ничтожным поводам и притом в вопросах весьма второстепенных, нарушал установленные законы и правила, совершенно игнорируя настоятельные возражения своих докладчиков.

Видя в себе, прежде всего, помазанника Божьего, он почитал всякое свое решение законным и по существу правильным. «Такова моя воля», — была фраза, неоднократно слетавшая с его уст и долженствовавшая по его представлению, прекратить всякие возражения против высказанного им предположения.

Regis voluntas suprema lex esto (Воля монарха — высший закон) — вот та формула, которой он был проникнут насквозь. Это было не убеждение, это была религия.

Своеобразное представление о природе и пределах власти русского Царя было внушено Николаю II еще в начале века двумя лицами, **{32}** известными, первый своей ограниченностью, а второй — раболепной подлостью, а именно: министром внутренних дел Д. С. Сипягиным и, проникшим к тому времени ко двору,

кн. В.П. Мещерским. В дневнике статс-секретаря А. А. Половцова, под 12-м апреля 1902 г., значится, что именно эти лица убедили Государя, что «люди вообще не имеют влияния на ход человеческих событий, а что всем управляет Бог, помазанником Коего является Царь, который поэтому не должен ни с кем сговариваться, а следовать исключительно Божественному внушению. Если царские веления современникам не нравятся, то это не имеет значения. Результат действий, касающихся народной жизни, обнаруживается лишь в отдаленном будущем и лишь тогда получают сами эти действия правильную оценку. Согласно сему, — добавляет хорошо осведомленный, благодаря своим обширным связям, Половцов, — Государь никого больше не слушается и ни с кем не советуется».

Царствование Николая II превращалось таким путем в принципе в то самое, что утверждал еще в 1765 году фельдмаршал Миних: «Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, — говорил Миних, — что оно управляется самим Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существуете».

Возвести это положение в догму суждено было Николаю II. Не на основании какой либо системы, или вперед начертанного плана и не в путях преследования твердо определенных целей стремился он править великой Империей, а как Бог ему в каждом отдельном случае «на душу положит».

Игнорирование закона, непризнавание ни существующих правил, ни укоренившихся **{33}** обычаев было одной из отличительных черт последнего русского самодержца. Такие, по существу мелкие, но резко нарушавшие законный порядок, факты, как производство лиц, состоящих на гражданской службе, в военные генеральские чины (Н. М. Оболенский, П. Г. Курлов, Татищев), награждение орденом св. Владимира с присвоением орденскому знаку ленточки, присвоенной ордену св. Георгия, с явным нарушением статусов обоих этих орденов (генер. Лукомский); приказание оставить на своих местах, после объявления войны Германией, двух германских подданных, подлежавших поселению в концентрационном лагере (садовника в Ливадии и царского егеря); отмена собственной властью штрафа, наложенного директором Императорских театров на балерину Кшесинскую, не взирая на горячие возражения министра Императорского двора, указывавшего, что такое распоряжение подрывает самые основы власти (на эти возражения следовал ответ: «такова моя воля»); открытие определенным лицам, по личному повелению Царя, крупных кредитов в Государственном Банке, наконец, замена домашним арестом предварительного тюремного заключения лицу, обвинявшемуся в государственной измене (Сухомлинов), — все эти, повторяю, по существу мелкие факты, не имеющие отношения к крупным государственным интересам, свидетельствуют о том, что у Николая II было совершенно неправильное представление о пределах власти, принадлежавшей ему, даже по силе прежних основных законов, действовавших в России до 1906 года. Кроме того, у Государя отсутствовало понимание того значения, которое имеет для сохранения прочности государственного строя соблюдение установленных порядков, прежде всего самим Императором.

{34} Тут опять таки сказывались наследственные черты, перешедшие к нему от Императора Павла. По условиям времени черты эти не могли ни чувствоваться, ни тем более выявляться в определенных действиях так ярко и резко, как сто лет перед тем, но по существу они были одинаковы.

Еще более превратное, нежели у Николая II, представление о пределах власти русского Императора было у Александры Феодоровны. Удивляться этому не приходится. Выходя замуж за русского Царя, она была глубоко убеждена, что власть его, не только фактически, но и в силу действующего в России закона, беспредельна. Манифест 17-го октября 1905 года в ее представлении власть эту не изменил; он лишь устанавливал новый на будущее время способ издания законов, соответственно коему *в нормальном порядке* проекты новых законов подлежали, прежде утверждения их царской властью, обсуждению законодательных палат, причем, однако, одновременно оставался открытым и прежний способ их издания, а именно в порядке ст. 87 новых Основных Законов. Во всяком случае, в ее представлении, манифест этот силы собственных велений русского Царя, касающихся отдельных вопросов, не подрывал. Поэтому ни Государь, ни Царица особого значения законам вообще не придавали, так как были искренно убеждены, что законы обязательны лишь для подданных русского Царя, но до него самого никакого касательства не имеют.

Непоколебимо убежденные в том, что до 1906 г. власть русского самодержца была безгранична, Царь и Царица были оба того мнения, что Основные Законы 1906 г. существа этой власти ни в чем не изменили. Впрочем, последнее **{35}** было до известной степени верно, но как раз в обратном смысле: уже со времен Николая I, т. е. после кодификации наших законов Сперанским, русские монархи по закону безграничной властью вообще не обладали.

О том, как относилась Александра Феодоровна к этому вопросу, можно видеть из следующего. Однажды, во время войны в Ставке Государыня подошла к Главноуправляющему Собственной Его Величества Канцелярией по принятию прошений, обращаемых к Монарху, В. В. Мамантову, и резко ему заметила, что подведомственная Канцелярия недостаточно внимательно относится к обращаемым к Государю через ее посредство прошениям, оставляя большинство из них без последствий. С своей стороны Мамантов поспешил ответить, что, кроме ходатайств о денежных пособиях, на удовлетворение коих имеется в ведении Канцелярии сравнительно незначительная сумма, все остальные прошения он имеет право докладывать Государю лишь после предварительного сношения с подлежащими министрами и выражения ими их мнения о степени допустимости отступления в каждом данном случае от общеустановленного порядка. Весьма недовольная этим ответом, Государыня резко сказала: «Кто обращает внимание на министров»? (т. е., в сущности, на законы, соблюдение коих они отстаивают).

Это в корне неправильное представление о власти русского Царя проистекало у Александры Феодоровны, как от незнания русской жизни, (причем, едва ли она даже когда либо прочла наши Основные Законы), так и от того обстоятельства, что, прибыв в Россию, она почти тотчас же превратилась в царствующую Императрицу, окруженную раболепным двором, где ни **{36}** один человек не решился разъяснить ей, что Россия не сатрапия, а власть Царя не есть власть деспота, основанная на личном произволе, но опирается на твердый закон, соблюдать который Государь обязан наравне со всеми своими подданными.

Если бы Императрица Александра Феодоровна хотя бы некоторое время прожила в России на положении супруги Наследника престола, она бы убедилась, что пределы личного усмотрения русского Царя строго

определены в самом законе.

Александр III твердо стоял на почве охранения самодержавия, но одновременно он был и строгим блюстителем закона, законности и установленных правил и порядков.

Между тем, властная природа Александры Феодоровны никогда не могла примириться с возможностью ограничения в чем либо воли ее супруга. К этому вопросу она относилась, можно сказать, с болезненной напряженностью. Отсюда ее постоянные напоминания в письмах Государю: «Ты — самодержец, ты владыка и повелитель, ты — глава Церкви», «Ты — самодержец — помни это» «Как они смеют (члены Св. Синода) не исполнять твоих велений»? — Благодаря ее настояниям, приняты были Государем такие, по меньшей мере, произвольные решения, как личная отмена постановления Св. Синода о переводе иеромонаха Илиодора из Царицына, где он определенно бесчинствовал, в г. Новосиль Тульской губернии. Узнав об этом решении, первоприсутствующий член Синода, Митрополит Антоний, был настолько им потрясен, что с ним случился удар.

К категории подобного рода распоряжений относится и единоличное разрешение, вернее, **{37}** предписание, ставленнику Распутина, епископу Варнаве, канонизировать бывшего Тобольского епископа Иоанна Максимовича.

Оба эти решения вызвали множество толков и явное негодование как среди общественности, так и у иерархов церкви. Последовавшее после отречения Николая II, постановление Св. Синода, начинающееся со слов: «Божья воля совершилась» и заключавшее укоризну по адресу свергнутого строя, — объясняется, надо полагать, именно этими явными вторжениями Государя в область вопросов, решение коих от светской власти не зависло.

Надо, впрочем, сказать, что взаимоотношения власти государственной, светской, олицетворяемой Государем, и власти духовной, сосредоточенной в Св. Синод, законом никогда точно установлены не были. Наше законодательство в этой области сплетавшееся с правом каноническим, никогда кодифицировано не было и представляло собою лес дремучий. За кодификацию этих законов принялся было один из помощников статс-секретаря Государственного Совета, князь Жевахов, признанный, между прочим, именно потому подходящим кандидатом на должность товарища обер-прокурора Св. Синода, но дело это завершения не получило.

Упомянутое отношение Св. Синода к старому строю после его свержения произошло, впрочем, главным образом, вследствие постепенного исключения из состава Синода, по настоянию Александры Феодоровны, почти всех стойких иерархов, блюдущих достоинство Церкви и свое личное.

Первым последствием превращения Св. Синода при последнем обер-прокуроре (ставленнике Распутина — Раеве), в учреждение **{38}** сервильное, — было поднесение Синодом Государыне, по отношению которой непосредственно перед этим раздавались в его среде частые укоризны, особой благословенной грамоты за ее уход за ранеными и попечения о жертвах войны, а вторым, логически неизбежным последствием, — осуждение Синодом же того строя, за сохранение которого еще накануне молились. Таково неизбежное свойство всякой сервильной коллегии: преклонившись из личных соображений перед одной властью, она спешит при ее крушении, от нее отречься и

преклониться перед заменившей ее новой властью.

Примечательно, что Николай II, неоднократно превышавший свою власть в отдельных частных случаях, ни разу по собственному побуждению не нарушил закона в вопросах общегосударственного значения. В этих вопросах он почти неизменно соглашался со своими докладчиками. Самые причины расхождения Государя с ближайшими своими сотрудниками именно это и обнаруживают. Он расходился с министрами не на почве разногласий в понимании порядка управления той или иной отраслью государственного строя, а лишь оттого, если глава какого-нибудь ведомства проявлял чрезмерное доброжелательство к общественности, а, особенно, если он не хотел и не мог признать царскую власть во всех случаях безграничной.

Степень личной преданности министра Государю всегда измерялась именно этим последним обстоятельством.

Вследствие этого, в большинстве случаев разномыслие между Царем и его министрами сводились к тому, что министры отстаивали законность, а Царь настаивал на своем всесилии. В результате сохраняли расположение Государя лишь **{39}** такие министры, как Н. А. Маклаков или Штюрмер, согласные для сохранения министерских портфелей на нарушение любых законов. Но трагизм был в том, что этих министров за их противозаконное угодничество принималась всячески травить общественность и в конечном результате, Государю приходилось и с ними расставаться, так как до момента полного порабощения его воли волей Императрицы он постигал, что нельзя доводить общественность до белого каления, что существуют такие моменты, когда власть, даже деспотическая, не может не считаться с общественным мнением.

Насколько ревниво Государь старался охранять свои самодержавные права, а инициативу в управлении страной считал своей прерогативой, видно, между прочим, из его отношения к Государственному Совету прежнего состава, который, до издания манифеста 17-го октября 1905 г., обладал лишь совещательным голосом. Учреждение это, в которое входили исключительно старые испытанные слуги самодержавия, не пользовалось фавором Николая II только потому, что Совету случалось по делам общегосударственным высказывать свое мнение, иногда выходившее за пределы вопросов, непосредственно переданных на его рассмотрение.

Особенно ярко проявилось это отношение Государя в 1900 г., когда Государственный Совет осмелился выразить пожелание об отмене права волостных судов приговаривать лиц крестьянского сословия к телесному наказанию. На означенном мнении Государственного Совета Николай II резко написал: «Это будет тогда, когда я этого захочу».

Нужно отметить одно весьма любопытное явление: несмотря на свои деспотические **{40}** наклонности и всегдашнее стремление использовать в полной мере, казавшуюся ему неограниченной, царскую власть, Николай II ни на своих отдельных сотрудников, ни на России в целом не производил впечатления сильного человека. Обаяния его властности никто не чувствовал.

Происходило это потому, что в личности Николая II наблюдалось странное и редкое сочетание двух, по существу совершенно противоположных, свойств характера: при своем стремлении к неограниченному личному произволу, он совершенно не имел той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться. Основным качеством народного вождя — властным

авторитетом личности — Государь не обладал вовсе. Он и сам это ощущал, ощущала инстинктивно вся страна, а тем более лица, находившиеся в непосредственных сношениях с ним.

Отсюда понятно, почему подрывалось в корне значение всех, принимаемых Царем мер, как бы они ни были круты сами по себе, какими бы последствиями ни грозило игнорирование ими.

Таким образом, обаяние царской власти в стране, столь сильное при Александре III, постепенно ослабевало даже в массах; наконец, исчезло совсем...

При этих условиях ее крушение было неизбежно.

{41}

4.

Если Государь, за отсутствием у него необходимой внутренней мощи, не обладал должной для правителя властностью, то Императрица, наоборот, была вся соткана из властности, опиравшейся у нее к тому же на присущую ей самонадеянность.

Властность эта сказалась еще до вступления ее в брак. Весьма характерна в этом отношении запись, внесенная ею в дневник Николая II почти тотчас после ее приезда в качестве нареченной невесты Наследника в Ливадию:

«Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя, — вписывает в дневник Цесаревича только что прибывшая в Россию принцесса Алиса. — Ты — дорогой сын твоего отца и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты».

В этой записи уже ясно слышны и ноты, которые впоследствии столь громко зазвучали в ее письмах к Государю периода великой войны. Из этих же писем выясняется настойчивость Императрицы: чем большее она встречает противодействие своим желаниям, тем она становится напористее, прибегая решительно ко всем доступным ей средствам. Тут и ссылка на **{42}** мнение «нашего Друга», тут и неотступная просьба и усиленная ласка, в которой, под бархатными словами, местами проглядывает гневное чувство.

Властность Царицы была настолько велика, что окружающая клика, для внушения Императрице тех или иных своих желаний, старалась воздействовать именно на это столь мощно у нее развитое чувство. Можно даже с уверенностью сказать, что и Распутин, в качестве советчика по политическим вопросам, а в особенности впоследствии Протопопов, были ей любы, потому что они поддерживали и воспевали ее всемогущество.

Действительно, представляется весьма сомнительным, мог ли бы Распутин, не взирая на все свое влияние, заставить Царицу отказаться от осуществления какого либо намерения, которое она горячо желала бы исполнить. Прославление неограниченного самодержавия было во всяком случае одним из основных козырей в руках лиц, понемногу захвативших Александру Феодоровну в свою тонкую, пропитанную ядом лести, липкую паутину.

Нельзя при этом не отметить, что в то время как Государь черпал уверенность в правильности своих решений в сознании, что они ему внушаются свыше и на собственный разум при этом не полагался, Царица, при всей своей религиозности, искала доводов в пользу предпринимаемых ею действий в собственных размышлениях, которые в последний период царствования лишь увенчивались санкцией лица, почитаемого ею за боговдохновенного.

Влияние Распутина на Царицу в вопросах государственных построено было, главным образом, на том, что и он и его клика умели внушить Александре Феодоровне сознание, что она **{43}** одна способна отстоять самодержавную власть русского Царя, которую, сама по всей вероятности этого не сознавая, она стремилась фактически всецело присвоить себе. Больше того: при проведении тех или иных лиц на

министерские посты, Распутин и его alter ego, А. А. Вырубова, стремились лишь незаметно подсказать своих кандидатов Царице и только, после того как Императрица как будто сама на них останавливалась, они подкрепляли ее выбор одобрением и благословением Распутина.

В данном случае проявлялась одна из слабых струн природы Александры Феодоровны, а именно отсутствие у нее дара распознавать внутреннюю сущность людей. Отличить лиц, истинно преданных как ей лично, так и монархическому строю, от обыкновенных льстецов, она не умела, что и привело, в конечном счете, к исключению из числа приближенных и к удалению от двора кн. В. Н. Орлова, А. А. Дрентельна и, состоявшей при великих княжнах в качестве воспитательницы, С. И. Тютчевой, глубоко преданных царскому дому, но не скрывавших своего отрицательного отношения к Распутину и занятому им при дворе положению.

Внешней причиной удаления этих лиц послужило то, что они передавали в городе многое из происходившего во дворце, причем будто бы преувеличивали и даже извращали роль Распутина. Но это была лишь гласная причина. На деле же Царица добивалась их удаления, считая их за людей, стремившихся парализовать ее влияние на Государя. Чрезвычайно характерна в этом отношении фраза, заключающаяся в ее письме Государю от 17-го сентября 1915 года: «Некоторые, — пишет Государыня» — боятся моего вмешательства в государственные дела (все **{44}** министры), а другие видят во мне помощника во время твоего отсутствия (Андронников, Хвостов, Варнава). Это доказывает, кто тебе предан в настоящем смысле слова».

Таким образом, в представлении Александры Феодоровны, степень преданности Государю окружающих его лиц измерялась степенью их признания благотворности участия Царицы в государственном управлении. Иначе говоря, всякое лицо, боровшееся с ее пожеланиями и мнениями, было нетерпимо и причислялось к врагам царской четы.

В частности, удаление С. И. Тютчевой произошло по следующей причине.

Воспитательница великих княжен крайне негодовала на то, что Распутин бывает в их комнате и даже кладет свою шапку на их кровати. Императрица же заявила, что она не видит в этом ничего дурного. Тогда возмущенная С. И. Тютчева обратилась к Государю. Он согласился с ее мнением и сказал, что переговорит по этому поводу с Государыней. Результатом же переговоров Царя и Царицы явилось немедленное удаление Тютчевой от двора.

Надо, однако, признать, что власть прельщала Александру Феодоровну не из тщеславия, а как орудие для осуществления широких замыслов общего значения. Если порой она убеждала своего супруга использовать свою власть по отношение к отдельным лицам и в частных случаях, то лишь когда вопрос ее очень близко касался и сильно волновал. В общем же, она не хотела нарушать установленного порядка и, если порой именно к этому приходила, то бессознательно, ибо и самый порядок ей не был известен. Строю ее мышления анархия была совершенно чужда.

По существу, Царицу занимали, захватывали **{45}** ее мысль, а порой и волновали вопросы широкого значения. Так, в тех же письмах своих к Государю, она касается самых разнообразных тем.

Тут и своевременное обеспечение городов, а в частности столицы, продовольствием и топливом, и понижение, в интересах бедных людей, цен за проезд по городскому трамваю, — (чем она одновременно обнаруживает свое незнакомство с русским строем вообще и, между прочим, с основами городского самоуправления); тут и необходимость наблюдения за производством заводами боевых припасов. И, надо признать, что в общем суждения ее по этим вопросам отличаются здравым смыслом и подсказаны горячим желанием облегчить положение неимущих и содействовать благоустройству в стране. С большим мужеством, в виду ее немецкого происхождения, высказывается она против поднятой во время войны травли балтийских немцев и бессмысленности преследования лиц, носящих немецкие фамилии.

В этом отношении ярко сказывается, насколько Александра Феодоровна отличалась рассудительной деловитостью и практичностью, коль скоро ее природный здравый смысл не был затемнен излишней страстностью.

Проявляется в переписке с Государем и ее принципиальность. Характерно в этом отношении ее замечание по поводу предложенного Распутиным способа получения средств для благотворительности путем награждения богатых банкиров чинами и орденами: «Неужели, — говорит она, — надо прибегать к таким дурным способам для получения денег на помощь страждующим»!

Но, увы, не одна страстность порой лишала Государыню способности разбираться в событиях; была этому и иная еще причина — присущая **{46}** ее характеру, почти безграничная самоуверенность и самонадеянность. Александра Феодоровна никогда в правильности своих суждений не сомневалась и всякую, зародившуюся у нее мысль, почитала за безусловно верную, не подлежащую оспариванию.

О степени ее самоуверенности красноречиво свидетельствуют опять таки ее письма Государю, в которых вообще с такой необыкновенной четкостью и выпуклостью выступают все черты ее характера. Я имею в виду в данном случае ее сообщения Государю о разговорах, которые она имела с гр. П. Н. Игнатьевым (министром народного просвещения) и с очень близким ко двору лейб-медиком С. С. Боткиным. По поводу этих разговоров она пишет, что «разъяснила им, в чем они ошибаются и теперь они это поняли». — Таким образом, Александре Феодоровне представлялось, что достаточно ей было поговорить с кем либо, только бы он не принадлежал к числу ее врагов, которых она видела повсюду, чтобы ее собеседник сразу поумнел.

Это не преувеличение. Так, 30-го августа 1915 года она пишет Государю по тому же поводу: «я говорю во всю. Необходимо всех встряхнуть и показать, как следует думать и поступать», — а 4-го сентября: «приходится быть лекарством для смущенных умов, подвергающихся действию городских микробов».

Не меньшую самоуверенность проявляет Царица, когда говорит о присущей ей энергии и твердости воли, в недостатке которых она мягко, косвенно, но постоянно упрекает Царя: «На мне надеты невидимые штаны. Я ношу бессмертные штаны». — «Уверяю тебя, я жажду показать всем этим трусам свои бессмертные штаны, я вижу, **{47}** что присутствие моих черных брюк в ставке необходимо, такие там идиоты».

Не взирая на то, что Николай II всемирно отстаивал безграничность своей власти, которую он, как я уже указывал, подчас даже превышал, тем не менее, сама по себе власть его не прельщала и не

захватывала, поскольку она не касалась возможности удовлетворения личной прихоти и в вопросах по существу малозначущих. Отстаивал Государь свое самодержавие по причинам исключительно принципиального свойства. Во-первых, он был глубоко и искренно убежден, что самодержавие — единственная форма правления, соответствующая России. Во-вторых, он считал, что, при венчании на царство, он дал обет передать своему Наследнику власть в том же объеме, в котором сам ее получил.

Теорию эту поддерживала и Царица. Проповедывали ее и крайне правые, фанатично доказывая, что русский самодержавный Царь не имеет права чем либо ограничить свою власть. Соответственно этому и Николай II почитал себя в праве отречься от престола, но не в праве сократить пределы своих царских полномочий. Придерживаясь такой теории, оставалось признать, что неизбежное во времени изменение формы правления может произойти в России только насильственным путем, но этим самым как бы узаконивались и оправдывались всякие революционные действия. То обстоятельство, что теория эта не выдерживает никакой критики, для Государя не имело значения, так как с годами он все более был склонен основывать свои действия не на велениях разума, а на исходящих свыше внушениях, которые он определял словами: «Так мне Бог на душу положил».

Именно то обстоятельство, что Государь, **{48}** пропитанный религиозностью, глубоко верил, что власть ему вручена самим Богом, обязывало его относиться к своему служению с уже указанной мною величайшей самоотверженностью, а теократическая точка зрения превращала

«le bon plaisir du roi» в **«la suprême volonté de Dieu».**

Если бы Николай II дал волю своим естественным наклонностям, то, вероятно, предпочел бы заниматься тем цветоводством, которому, как он заявил при отречении, он впредь посвятит свое время, а царские обязанности сложил бы на другие плечи.

Весьма вероятно, что, именно вследствие тяжести для него шапки Мономаха, отрекся он так легко от престола и за себя и за Наследника, переложив всю эту тяжесть на своего младшего брата. При этом он, очевидно, не входил в обсуждение вопроса о том, насколько великий князь Михаил Александрович способен и в силах управлять великой Империей. Эти силы ему, очевидно, должен был дать тот же Бог, коль скоро он воссядет на престол.

Да, на свое царское служение Николай II смотрел как на тяжелый крест, и нес он его с великим трудом. Был он поэтому совершенно искренен, когда называл себя Иовом многострадальным, в день памяти которого он родился.

Россия для Государя отнюдь не была «вотчиной», хотя подчас поступал он именно так, как вотчинный владелец. Постигал он и то, что не Россия для него, а он для России. При этом Россию, русский народ, он горячо любил. В его устах слова: «наша матушка Россия» не были пустым звуком. Но в чем реально состояла польза России — он себе сколько-нибудь **{49}** точного отчета не отдавал. В особенности это ясно сказалось в делах Дальнего Востока, где он стремился расширить свои владения, не думая о том, насколько это нужно России и русскому народу.

Иначе относилась к России Александра Феодоровна.

Она тоже любила ее, а практически, быть может, больше своего супруга стремилась осуществить все, полезное русскому народу. Она, например, сердечно скорбела о том, что Россия экономически во многом зависит от Запада. Так, в письме от 3-го сентября, она говорит по этому поводу: «Меня всегда огорчает, как мало производится здесь. Все привозится из за границы... Дай Бог, чтобы по окончании этой ужасной войны фабрики смогли бы сами обрабатывать кожу и меха; такая огромная страна и зависит от других».

Однако, на деле, в глубине своей души, Россию она любила как поле для приложения своей деятельности, а в особенности как достояние своего мужа и сына.

«Я борюсь за моего господина и за нашего сына». — восклицает она в одном из своих писем Государю в 1916 г., — и тем самым, незаметно для самой себя, воспринимает Россию, как нечто второстепенное, вернее, именно как родовую вотчину.

В этом смысле характерно ее отношение к кандидатам, намечаемым на министерские должности. Первое, что она учитывает в них, — это степень их предполагаемой преданности Государю. Их любовь к России, соответствие тому делу, которое предполагается им поручить, — вопросы второстепенные для Императрицы. Она ищет, прежде всего, преданности Царю, чем и подтверждается ее взгляд на **{50}** Империю, как на личную собственность рода Романовых.

Когда, с присущей ей страстной настойчивостью и даже нетерпимостью, она требовала от своего мужа увольнения или назначения того или иного лица, принятия той или иной меры, она была убеждена, что тем самым исполняет свой долг любящей жены, и матери, и русской Царицы одновременно, ибо заботятся о семейном достоянии Романовых.

Глубокое изменение в ее чувствах к России произошло уже после отречения Государя, после испытанных ею и всей ее семьей всевозможных страданий.

Пройдя через горнило этих страданий, она как бы совершенно очистилась от земной суеты, властолюбия и честолюбия.

Здесь именно сказалась ее в высшей степени благородная, возвышенная натура. Когда в Тобольске у нее закралась мысль, что Государя хотят увезти, чтобы, путем использования его царского престижа, закрепить условия Брест-Литовского мира, ей и в голову не пришла возможность использовать это для восстановления своего царского положения или хотя бы для избавления дорогих ее сердцу детей и мужа от дальнейших страданий. Мысли ее в тот момент всецело были сосредоточены на России, на ее благе, на ее чести, и она решается даже расстаться с Наследником и тремя из своих дочерей, чтобы ехать вместе с Государем и поддержать его в отказе от санкционирования чего либо невыгодного для России.

Письма ее из Тобольска к А. А. Вырубовой об этом свидетельствуют с необыкновенной яркостью:

«О, Боже, спаси Россию, — пишет она 10-го декабря 1917 г. — Это крик души днем и ночью, **{51}** все в этом для меня. Только не этот постыдный ужасный мир», — и дальше: — «нельзя вырвать любовь из моего сердца к России, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце. Но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет».

«Такой кошмар, что немцы должны спасти Россию; что может

быть хуже и более унизительным, чем это»... — пишет заточенная Царица, когда до нее доходят в марте 1918 года, сведения о том, что немцы предполагают свергнуть большевиков.

«Боже, что немцы делают. Наводят порядок в городах, но все берут... уголь, семена, все берут. Чувствую себя матерью этой страны и страдаю как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения».

Сколько бескорыстной любви в этих словах, сколько самоотвержения, при полном отсутствии малейшей жалобы на положение свое и семьи, — сколько благородного чувства!

Как бы ни относиться к государственной деятельности убиенной Царицы, как ни расценивать последствия этой деятельности, нельзя без умиления читать приведенные строки.

{52}

5.

Если рассудок Александры Феодоровны подчас затемнялся ее неудержимой страстностью, если на ее решения пагубно влияли присущие ей властность и самоуверенность, то все же главной причиной тех глубоких ошибок, в которые она впала в последние годы царствования Николая II, была другая сторона ее духовного облика, с годами приобретавшая все большую власть над нею и понемногу превратившаяся в определенно болезненное состояние, а именно ее всепроникающий, глубокий мистицизм.

Члены Гессенского Дома, к которому принадлежала Императрица, были подвержены мистицизму с давних пор во многих поколениях. В числе своих предков, они, между прочим, считают причисленную к лику святых Елисавету Венгерскую, почитая ее за образец, которому должно следовать. На почве мистицизма завязалась долголетняя тесная дружба матери Александры Феодоровны с известным теологом Давидом Штраусом. Повышенной религиозностью, переходящей в мистицизм, была преисполнена и сестра Государыни, великая княгиня Елисавета Феодоровна.

В Александре Феодоровне глубокая религиозность проявлялась с молодости, наружно выражаясь, между прочим, в том, что она долгие часы простаивала на коленях на молитве.

{53} Побуждаемая той же религиозностью, она восприяла перед вступлением в брак православие всем своим существом. Последнее оказалось для нее задачей не трудной; в православии она нашла обильную пищу для своей природной склонности к таинственному и чудесному.

Именно этим надо объяснить ее решимость переменить веру, на что, как это видно из дневника Государя, первоначально она не соглашалась.

Действительно, Александра Феодоровна, перейдя в православие, отнюдь не проявила к нему того довольно равнодушного отношения, которым отличалась с семидесятых годов прошлого века русская культурная общественность. Она, наоборот, пропитала православием все свое существо, при том православием, приблизительно 16-го века. Обрела она глубокую веру не только во все догматы православия, но и во всю его обрядовую сторону. В частности, прониклась она глубокой верой в почитаемых православной Церковью святых. Она усердно ставит свечи перед их изображениями и, наконец, и это самое главное, — проникается верой в «божьих людей» — отшельников, схимников, юродивых и прорицателей.

Войти в сношение с людьми этого типа Государыня стремится с первых лет своей жизни в России и находятся лица, которые поставляют ей таковых в таком количестве, что царский дворец приобретает в этом отношении характер старосветских домов замоскворецкого купечества. С заднего крыльца, разумеется, по чьей либо рекомендации, проникают такие лица во внутренние покои дворца, где Императрица с ними иногда подолгу беседует, а гофмаршальская часть обязывается их радушно угощать.

Царица по этому поводу даже говорила, что ей известны,

высказываемые по ее адресу, упреки **{54}** за то, что она охотно видится и беседует со странниками и различными «божьими людьми». — «Но моему уму и сердцу, — прибавляла она, — подобные люди говорят гораздо больше, нежели приезжающие ко мне в дорогих шелковых рясах архипастыри Церкви. Так, когда я вижу входящего ко мне митрополита, шуршащего своей шелковой рясой, я себя спрашиваю: какая же разница между ним и великосветскими нарядными дамами»?

Одновременно она углубляется в чтение творений Отцов Церкви. Творения эти были ее настольными книгами до такой степени, что рядом с кушеткой, на которой она проводила большую часть времени, стояла этажерка, заключавшая множество книг религиозного содержания, причем книги эти в большинстве были не только русские, но и написанные на славянском языке, который Государыня научилась вполне свободно понимать.

Любимым ее занятием, наподобие русских цариц допетровского периода, стало вышивание воздухов и других принадлежностей церковного обихода.

Образчики ее мистицизма, переходящего в грубое суеверие, имеются в ее письмах к Государю. Столь неожиданная для доктора философии Кэмбриджского университета, коим она числилась, вера в чудодейственность гребешка, подаренного Государю Распутиным, свидетельствует о полном порабощении некоторых сторон ее духовного облика.

По поводу этого гребешка Александра Феодоровна 15-го сентября 1915 г. пишет Государю:

«Не забудь перед заседанием министров подержать в руках гребешок и *несколько* раз расчесать волосы *его* гребнем». Еще более удивительна фраза, помещенная ею в письме **{55}** от 9-го сентября: «Моя икона с колокольчиком, действительно, научила меня распознавать людей. Эта икона и наш Друг помогли мне лучше распознавать людей. Колокольчик зазвонил бы, если бы они подошли ко мне с дурными намерениями».

На почве духа православной веры зародилась у нее, а затем, утвердилась в сознании мысль о том, что соль земли русской — ее простой народ, а высшие классы разъедены безверьем и отличаются развращенностью.

Для укрепления в ней этого взгляда, сыграло огромную, решающую роль другое обстоятельство, наложившее на ее отношение к различным слоям русского народа весьма определенный оттенок, с годами все ярче выступавший. Я имею в виду те условия, в которых она очутилась по прибытии в Россию, почти совпавшем с ее вступлением в роль царствующей Императрицы, а именно тот прием, который она встретила, как со стороны некоторых членов Императорской фамилии, так и многих видных членов петербургского общества. Каждое ее слово, каждый жест, все, вплоть до покроя платья, которое она надевала, — подвергалось жестокой критике, и находились услужливые люди, которые доводили это до ее сведения. Утверждали даже, что великая княгиня Мария Павловна ей однажды прямо сказала: «**la société vous déteste**», — что было, конечно, преувеличением. Неприязнь к молодой Государыне исходила со стороны лиц, составлявших двор вдовствующей Императрицы. Эти лица не хотели примириться с тем, что появлялся новый двор, ставший выше их и прилагали все усилия, чтобы сохранить среди петербургского общества первенствующее, хотя бы по симпатиям,

положение.

Естественно, что понемногу, далеко не сразу, у Александры Феодоровны тоже народились **{56}** недобрые чувства к петербургскому обществу и в этом кроется одна из причин, если не главная, того, что она обернулась к русским народным массам и в них искала сочувствия, которого петербургская знать ей не выказывала.

Мало того, на этой же почве появилась у Государыни, принявшая со временем определенный болезненный характер, мнительность по отношению к людям. Едва ли не большинство Царской семьи и общества превратились в ее глазах в ее личных коварных врагов. Малейшая критика ее слов и действий или, хотя бы непризнание ее абсолютной мудрости, являлись в ее глазах неопровержимым признанием вражды к ней. Тем большим доверием, тем большей симпатией пользовались те, кто соглашался с ее предположениями, восхвалял ее решения, умело выказывал ей безграничную преданность. Под этим же влиянием развивается у Государыни и падкость к лести.

Не подлежит сомнению, что уверенность Императрицы в незыблемой прочности самодержавного строя в России построена была на убеждении, что простой народ, русское крестьянство, обожает своего монарха. В этом убеждении ее поддерживали и главари «союза русского народа», забрасывавшие ее телеграммами от имени каких то фантастических, не то десяти, не то двадцати пяти тысяч отделов этого «союза».

Руководители «союза» вводили в заблуждение и самого Государя. Так, однажды, на докладе Родзянко по поводу его указаний на растущее недовольство в народных массах, Государь ему сказал: «Это не верно. У меня ведь тоже есть своя осведомленность» — и, указав на лежащую у него на столе объемистую пачку бумаг, прибавил: — «вот выражения народных чувств, мною **{57}** ежедневно получаемые: в них высказывается любовь к Царю».

Как было Николаю II и Александре Феодоровне не верить этим заявлениям, когда при каждом путешествии вглубь России несметные народные толпы, с неподдельным восторгом, встречали и провожали царскую чету, когда в Костроме, при посещении Царской семьей колыбели их рода, в год трехсотлетия царствования Дома Романовых, народная толпа в истерическом восторге бросилась вслед за отходящим от пристани царским пароходом прямо в Волгу (благо берег ее был отлогий, а глубина незначительная)? Когда, не далее, как месяца за два до революции, Императрица в Новгороде была вновь свидетельницей, вызванного ее приездом, народного восторга? Сопровождавшая ее в этом путешествии А. А. Вырубова не преминула при этом заявить: «ну, что скажут теперь, после этого приема, думские болтуны»? — а Императрица со своей стороны, подчеркнула то обстоятельство, что ее встретили с пышными адресами представители и местного земства и городского самоуправления, причем добавила: «как врут те, которые утверждают, что Россия меня не любит»!

Чтобы выяснить первопричину того холодного, если не враждебного отношения, которое Александра Феодоровна встретила, как при русском дворе, так и среди петербургского общества, надо вернуться к тем обстоятельствам, которые предшествовали ее браку с русским Императором.

Молодая принцесса Алиса Гессенская, потеряв 8 лет от роду свою мать, воспитывалась у бабушки, королевы Виктории, в Англии. Уже 14-

ти лет, в 1884 году, попадает она в Россию, где гостит у своей старшей сестры, великой княгини Елисаветы Феодоровны. Здесь молодая **{58}** экзальтированная девушка впервые знакомится с русской церковной службой. После холодного по обстановке протестантского богослужения, торжественность православного церковного обряда с его в душу проникающими песнопениями производит на нее чарующее впечатление. В том же направлении влияют на нее и те военно-церковные торжества, которыми русский Императорский двор отличался от всех западно-европейских королевских дворов. Торжества эти в России, отличаясь исключительной азиатской роскошью, сохранили вместе с тем отпечаток московского периода русских царей, когда власть мирская и власть церковная, переплетаясь и взаимно друг друга пополняя, составляли единое целое.

Это должно было особенно пленить мистически настроенную девушку. К тому же случай захотел, чтобы она впервые познакомилась с обиходом русского Императорского двора в день одного из отличавшихся исключительным великолепием больших придворных балов. В обстановке этого бала знакомится она и со своим будущим супругом, юным 16-летним наследником русского престола. Молодые люди, состоящие к тому же в довольно близком родстве, (по отцу принцессы они — троюродные брат и сестра), сразу загораются взаимной симпатией. Между ними завязывается детский наивный флирт, вызывающий со стороны других их родственников-сверстников по возрасту обычные в этих случаях шутки и поддразнивания. Однако, вся их детская идиллия этим пока и ограничивается. Иной более серьезный характер приобретает она при следующем посещении России принцессой Алисой, происшедшем однако лишь 5 лет спустя, а именно, в 1889 году. В этот приезд принцесса Алиса проводит довольно **{59}** продолжительное время в Петергофе, уже в качестве гостьи самой Царской семьи. Возникшая за пять лет перед тем взаимная симпатия между будущими супругами не только укрепляется, но приобретает характер сильного чувства. Тем не менее, никаких дальнейших реальных последствий и этот вторичный приезд принцессы Алисы в Россию не имеет. При последующем приезде принцессы Алисы к ее сестре в Москву, в августе 1890 г., Наследнику, не взирая на все его желание, родители не разрешают свидания с ней.

В связи с этим в Петербурге, где уже успело укрепится убеждение в предстоящем браке с нею Наследника, распространяется слух, что приезжая принцесса, при ближайшем знакомстве, с ней, не пришлась по душе родителям Цесаревича, и что мысль об этом браке оставлена. Не так думала сама принцесса. Имея очевидно основания полагать, что завязавшийся у нее роман с Наследником русского престола кончится их браком, она, вернувшись в Англию, принимается за изучение русского языка, знакомится с русской литературой и даже приглашает священника русской посольской церкви в Лондоне и ведет с ним продолжительные религиозные беседы, т. е., в сущности, знакомится с догматами православной веры.

Горячо ее любящая королева Виктория, конечно, была в курсе всего этого и решилась помочь внучке с осуществлением ее мечты. Она обращается с письмом к великой княгине Елисавете Феодоровне. Сообщая ей о явном увлечении принцессы Алисы Россией и всем русским, она наивно спрашивает, не полюбилась ли ее внучка, во время пребывания своего в России, какому либо члену русского Императорского дома? Ей, де, это важно знать, так как в **{60}**

утвердительном случае, в виду того, что члены русского Императорского дома по общему правилу могут жениться только на женщинах православного исповедывания, она, в качестве опекунши своей внучки, не будет ее конфирмовать по правилам англиканской церкви, а подготовит к принятие православия. Само собой разумеется, что это был лишь дипломатический способ подхода к вопросу, так как королева Виктория не могла не знать того, о чем толковали в это время при всех королевских дворах Европы, а именно, что полюбившийся принцессе Алисе русский великий князь не кто иной, как Наследник русского престола. Знала, разумеется, и Елисавета Феодоровна о тех нежных чувствах, которые возникли между ее младшей сестрой и Наследником и поспешила с своей стороны оказать им возможное содействие. Однако, сочувствия по этому вопросу ни у Александра III, ни у Императрицы Марии Феодоровны она не встретила.

Ей было отвечено, что Наследник еще слишком молод для вступления в брак, что он должен совершить в ближайшем времени, для расширения своего умственного горизонта, кругосветное путешествие, должен, кроме того, пройти различные стадии военной службы, а что, впрочем, если принцесса Алиса и Наследник друг другу и симпатичны, то ничего серьезного тут быть не может, кроме обыкновенных детских чувств, столь часто возникающих между кузенами и, затем, бесследно проходящих.

На этом вопрос о браке Николая Александровича с принцессой Гессенской как бы заканчивается. Наследник отправляется в дальнее плавание, а принцесса Алиса получает конфирмацию по правилам англиканской церкви.

Прошло довольно много лет, в течение **{61}** которых вопрос осложнился еще тем, что между русским Императорским домом и владетельным принцем Гессенским, Людовиком IV, отцом принцессы Алисы, пробежала черная кошка. Людовик IV прельщается женой русского представителя при своем дворе, некоей г-жей К. и выражает желание развести ее с мужем и на ней жениться. Узнав об этом, Александр III резко сообщает Людовику IV, что в случае, если он своего намерения не оставит, Россия отзовет раз навсегда своего представителя при княжестве Гессенском.

Так проходит еще четыре года.

В 1893 году, когда Наследнику уже исполнилось 23 года, у Государя Александра III появляются первые признаки той болезни, которая осенью 1894 г. унесла его в могилу. Старший по возрасту в роде Романовых, великий князь Михаил Николаевич, обеспокоенный тем, что Наследник, быть может, завтрашний Император, — не женат, а потому не имеет и не может иметь законного мужского потомства, решается указать Александру III на необходимость Наследнику вступить в брак. Царь, признавая в принципе, что это желательно, говорит, что принуждать к этому сына он не желает: «Поговори с ним сам, — говорит он великому князю Михаилу Николаевичу, — тебе это легче, нежели мне».

Великий князь тотчас принимает на себя эту миссию. Беседа его с Наследником очень скоро выясняет, что Наследник не только согласен вступить в брак, но даже стремится к этому, но желает он жениться на определенной девушке, на брак с которой родители его, по-видимому, не согласны, а без благословения родителей он жениться не может.
Девушка же эта — принцесса Алиса Гессенская, к союзу с которой, **{62}** когда этот вопрос возбуждался в 1890 году великой княгиней Елисаветой

Феодоровной, его родители отнеслись отрицательно.

Великий князь Михаил Николаевич, продолжая свои дипломатические переговоры между членами Царской семьи, сообщил свой разговор с Наследником Императору и Императрице. Узнав о чувстве сына к принцессе Гессенской, родители его поспешили согласиться на его желание, причем сказали, что, если они высказались в 1890 г. против этого брака, то лишь потому, что почитали Цесаревича еще слишком молодым для вступления в брак и были убеждены, что его чувство к принцессе Алисе лишь мимолетное детское увлечение, столь часто возникающее между двоюродными и троюродными братьями и сестрами в годы их ранней молодости. Коль скоро, однако, это чувство сохранилось и даже окрепло в течение 4-х лет, то они, конечно, не противятся их браку.

Однако согласие Императрицы Марии Феодоровны на брак сына, с любимой им девушкой, по-видимому, не изменило ее внутреннего отношения к будущей своей невесте. То обстоятельство, что принцесса Гессенская прибыла в Россию и вступила в состав русской Императорской семьи в скорбные дни последних недель жизни тяжело страждущего Александра III, вероятно, еще более отдалило Марию Феодоровну от ее заместительницы на роли Царствующей Государыни.

{63}

6.

Отчуждению Царицы от петербургского общества значительно содействовала внешняя холодность ее обращения и отсутствие у нее внешней приветливости. Происходила эта холодность, по-видимому, преимущественно от присущей Александре Феодоровне необыкновенной застенчивости и испытываемого ею смущения при общении с незнакомыми людьми. Смущение это препятствовало установлению ею простых, непринужденных отношений с лицами, ей представлявшимися, в том числе с так называемыми городскими дамами, а те разносили по городу анекдоты про ее холодность и неприступность.

Надо сказать, что петербургское общество было в этом отношении избаловано с давних пор. Русские Императрицы исконно отличались очаровательной любезностью и простотой. Императрица Мария Феодоровна обладала чарующей приветливостью и умением сказать каждому ласковое слово. Пробыв в России многие годы на положении супруги Наследника престола, она в совершенстве усвоила приемы непринужденного, но одновременно царственного ласково-любезного обращения, причем за это время успела вполне ознакомиться со всем личным составом бюрократического и светского Петербурга. Поэтому во время приемов она знала, о чем говорить о **{64}** представлявшимся ей, знала, что интересует каждого ее собеседника, положение и родство которого ей были неизменно известны. В результате получалось впечатление, что Императрица сама интересуется лицом ей представлявшимся или хотя бы его близкими.

В ином положении очутилась Александра Феодоровна. Она оказалась в Петербурге, как в лесу и, надо сказать правду, не приложила никаких усилий к тому, чтобы разобраться в нем и приобрести симпатии общества. Так на всех парадных вечерах и приемах Мария Феодоровна обходила собравшихся и продолжительно с ними беседовала, а Александра Феодоровна ограничивалась разговорами с приближенными и стремилась скорее удалиться во внутренние покои.

Обстоятельство это обратило на себя внимание общества. Отзвук этого имеется в дневнике того же ст. - секретаря Половцова. Под 6-м мая 1902 года там записано: «после завтрака (во дворце по случаю царских именин) обыкновенный cercle, совершаемый Марией Феодоровной в назидание молодых величеств, остающихся в углах и разговаривающих лишь с двумя-тремя приближенными»....

Внешняя холодность Александры Феодоровны неизменно приписывалась будто бы присущей ей надменности. Между тем, именно надменности у нее не было. Было у нее сильно развитое чувство собственного царского достоинства и не малая доза почти болезненно щепетильного самолюбия, но надменность ей была совершенно чужда.

В домашней обстановке она, наоборот, отличалась чрезвычайной простотой и к людям, находившимся в ее личном услужении, относилась с необыкновенной внимательностью и даже лаской. Так, няня Наследника, М. И. Вешнякова, **{65}** которую в Царской семье звали Меричкой, отзывалась о Государыне не иначе, как о святой женщине, заботливо входящей в нужды всех лиц, непосредственно ее окружающих. В письмах Императрицы также проглядывает эта черта.

Она печется о здоровьи придворных служащих и даже пишет о них Государю.

Затрудняло сближение Александры Феодоровны с петербургским обществом и отсутствие у нее точек близкого с ним соприкосновения. Благодаря тому, что вдовствующая Государыня по-прежнему оставалась во главе обширного ведомства учреждений Императрицы Марии (женское воспитание), а также сохранила за собой главенствующую роль в делах Российского Общества Красного Креста, молодая Императрица оказалась вне круга обычной деятельности русских Цариц.

В течение продолжительного времени она была лишена возможности применить свою кипучую энергию, удовлетворить свою жажду живого дела. У нее не было поводов и возможности войти в более близкое соприкосновение с лицами, не принадлежащими к ограниченному кругу приближенных ко двору.

Впрочем, по отношению к обществу Александра Феодоровна, по-видимому, и принципиально считала нужным держаться на почве строгого придворного этикета, неукоснительное соблюдение которого было обязательным во всех маленьких немецких княжествах.

В этих княжествах, в том числе и в княжестве Гессенском, княжеская власть, раздавленная прусским владычеством, была только призрачной, и соблюдение этикета оставалось единственным способом сохранения за владетельным домом некоторого внешнего престижа.

{66} Этим с детства привычным традициям следовала Александра Феодоровна и в России. Но они не всегда соответствовали обычаям русского двора и вызывали нарекания. Так, например, Императрица Александра Феодоровна, представлявшимся ей дамам, в том числе и пожилым, протягивала руку для целования прямо к губам, что у многих порождало возмущение. Недовольные говорили: «Императрица Мария Феодоровна, пользующаяся всеобщими симпатиями, неизменно старается, не взирая на свой возраст, де допускать дам до целования своей руки, а вчерашняя принцесса захудалого немецкого княжества, где даже умерших хоронят стоя, иначе они окажутся за пределами своей родины, демонстративно на этом настаивает».

С годами эта смущенность, охватывавшая Александру Феодоровну при приеме ею незнакомых или мало знакомых ей лиц, не только не исчезла, а, наоборот, усилилась и, по мере того, как Государыня все больше приходила к убежденно, что она окружена враждебно настроенными к ней людьми, ее манера обращения с посторонними, действительно, могла производить впечатление отталкивающей надменности. Так, осенью 1915 года во дворец прибыла депутация от Св. Синода, привезшая Государыне благословенную грамоту за ее деятельность на пользу раненых. Государыня была столь смущена, что заявила о невозможности для нее выйти к прибывшим архипастырям, так как чувствует, что горловая спазма лишит ее способности промолвить хотя бы несколько слов. Надо было употребить много усилий, чтобы убедить ее выйти к иерархам Церкви, причем маленький Наследник принимал в этих уговорах очень деятельное участие. Понятно, что прием, оказанный **{67}** Государыней при таких условиях, отличался натянутостью и холодностью!

Не привлекала к тому же симпатии и наружность Государыни. В красивых, правильных чертах ее лица, определенно германского типа, не сказывалась порывистая страстность ее натуры, в них отражалась величавая флегматичность. Впрочем, с годами и на этом лице можно было заметить перемену: опущенные углы рта, — вероятно, следствие пережитых разочарований в людях и накопившейся в душе горечи, — сообщили чертам Императрицы еще большую холодность, и даже оттенок презрительности.

Всецело побороть природную застенчивость не удалось и Николаю II до самого конца его довольно продолжительного царствования. Застенчивость эта была заметна при всяком его выступлении перед многолюдным собранием и выработать внешние приемы непринужденного царственного общения со своими подданными ему так и не удалось. Внешним образом смущение Государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза.

То, что так легко давалось их царственным предшественникам, что в совершенстве осуществляли Александр III и вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, никогда не было усвоено Николаем II, а в особенности его супругой.

Техника царского ремесла имеет свои трудные стороны, но и свое немаловажное значение, хотя бы с точки зрения степени достигаемой популярности. Эта техника Николаю II и Александре Феодоровне была совершенно чужда и даже недоступна. Но у Государя отсутствие непринужденности в общении с незнакомыми ему лицами искупалось чарующим выражением его глаз и теми особыми флюидами личного обаяния, которые **{68}** обвораживали всех, впервые к нему приближавшихся. Императрица, наоборот, всех обдавала холодом и вызывала у своих собеседников отнюдь не симпатичные к себе чувства. Она не умела покорять сердца, даже наиболее склонные преисполняться любовью и благоговением к царствующим особам. Так, например, в женских институтах, состоявших в ведении вдовствующей Императрицы, где всегда господствовала традиция экзальтированного преклонения перед членами Царской семьи, Александра Феодоровна при своих посещениях оставалась холодна как лед. Не только Императрица Мария Феодоровна, но и покойный Государь умели вызывать в институтках совершенно непринужденное к себе отношение, порождавшее в них восторженную любовь к носителям царской власти. Но от Государыни Александры Феодоровны воспитанницы института не слышали ни одного приветливого слова, не видели ни одного ласкового жеста.

Последствия взаимной, с годами все возраставшей между обществом и Царицей отчужденности, принимавшей подчас характер антипатии, были весьма разнообразны и даже трагичны.

Роковую роль в этом отношении сыграло щекотливое самолюбие Александры Феодоровны.

Когда в последний месяц царствования к ней обратились с личными письмами некоторые члены петербургского общества, умоляя ее, ради спасения России от гибели, перестать вмешиваться в дела государственного управления, она пришла в такое возмущение, что потребовала немедленного принятия репрессивных мер против этих лиц. Одного из них, а именно, Н. П. Балашова, носившего звание первого чина двора, она желала даже сослать в Сибирь и лицам ее окружающим,

которые понимали всю невозможность **{69}** подобной расправы, стоило большого труда убедить Государыню не настаивать на этом. Другой автор такого же письма к Императрице, жена члена Государственного Совета, кн. Б. А. Васильчикова, была таки выслана из столицы в свое имение в Новгородской губернии с воспрещением выезда из него. В результате мера эта вызвала возмущение со стороны лиц, наиболее консервативного, определенно монархического образа мыслей и демонстративное посещение четы Васильчиковых всеми членами Государственного Совета.

Всего ярче выступает отношение Александры Феодоровны к обществу в переписке ее с королевой Викторией. Английская королева, узнав о том, что молодая русская Царица не завоевала симпатий петербургского общества, писала ей приблизительно следующее: «нет более трудного ремесла, нежели наше царское ремесло. Я царствую более сорока лет, царствую в моей родной стране, которую знаю с детства, и, тем не менее, каждый день я раздумываю над тем, что мне надо сделать, чтобы сохранить и укрепить любовь ко мне моих соотечественников. Каково же твое положение и сколь оно безмерно труднее! Ты находишься в чужой стране, в стране, тебе совершенно незнакомой, где быт, умственное настроение и самые люди тебе совершенно чужды, и все же твоя первейшая обязанность — завоевать любовь и уважение».

На это письмо Александра Феодоровна, будто бы, отвечала: «Вы ошибаетесь, дорогая бабушка, Россия не Англия. Здесь нам нет надобности прилагать какие-либо старания для завоевания любви народа. Русский народ почитает своих царей за божество, от которого исходят все милости и все блага. Что же касается петербургского **{70}** общества, то это величина, которой можно вполне пренебречь».

«Мнение лиц, составляющих это общество и их зубоскальство не имеют никакого значенья. Зубоскальство — их природная особенность, и с ней также тщетно бороться, как напрасно придавать ей какое либо значение».

Я, конечно, не ручаюсь за достоверность приведенных писем, но во всяком случае они ходили в Петербурге по рукам и, разумеется, не способствовали установлению добрых отношений между молодой Царицей и тем единственным внешним миром, с которым она входила в непосредственное соприкосновение.

Досужая болтовня великосветского, посещавшегося всеми великими князьями, Яхт-Клуба, — этого центра столичных политических и светских сплетен, где перемывали косточки всех и каждого и где не щадили и Императрицы, действительно, не заслуживала со стороны Императрицы иного отношения. Распространение по городу неблагоприятных для Государыни рассказов впоследствии способствовали, удаленные от двора из-за их борьбы с влиянием Распутина, кн. В. Н. Орлов и С. И. Тютчева. Отнюдь не желая нанести ущерб Царской семье, они, однако, своими рассказами о близости Распутина к Царице и о том влиянии, которым он у нее пользуется, существенно содействовали укреплению почти неприязненного отношения к Государыне, не только петербургского, но уже и московского общества, (к коему принадлежала С. И. Тютчева). Переходя из уст в уста, рассказы их, естественно, извращались и, наконец, приобретали совершенно невозможный характер.

Между тем, то, что говорилось в высшем обществе, постепенно передавалось в другие **{71}** общественные круги обеих столиц, а, затем, через лакейские и дворницкие, уснащенное и облепленное грязью, переходило в народные низы, где производило уже определенно революционную работу.

Провинция, стоявшая неизмеримо дальше от всех столичных пересудов, заражалась ими в меньшей степени, по крайней мере, в народной массе, и потому естественно, что там каждое появление Царицы вызывало по-прежнему бурю народного восторга.

Изоляция от внешнего мира, в которой жила Царская чета, отчасти вследствие того, что она избрала своим постоянным местом пребывания не самую столицу, а пригород, способствовала развитию неблагоприятных слухов.

До Александра III русские Государи состояли в личных тесных отношениях со своими ближайшими сотрудниками, и, тем более с лицами своей свиты, а вообще почти со всем офицерским составом гвардии. Они знали их всех в лицо и благодаря наследственной способности членов Дома Романовых запоминать всех, хотя бы однажды им представленных, безошибочно называли каждого по его фамилии.

Прежде довольно значительный круг лиц нередко приглашался к царскому столу, причем после обеда Государи принимали близкое участие в происходившей общей непринужденной беседе. С момента воцарения Александра III положение это резко изменилось.

Убедившись, в особенности за последние годы царствования Александра II, в пагубности того влияния, которое оказывала на Государя непрестанная борьба около престола разнообразных и противоречивых течений, приводившая к неустойчивости и отсутствию последовательности в **{72}** государственной политике, Александр III, едва ли не сознательно, удалился из столицы, рассчитывая в тишине Гатчины освободиться от той тучи сплетен, пересудов и противоречивых мнений, которые, в конечном результате, не могли не оказать влияния на его отношение как к отдельным, поставленным им у власти, лицам, так и к проводимой им политике.

Окруженный несколькими близкими друзьями, как то: Воронцовым, Черевниным, Рихтером и кн. В. Оболенским, которым он отнюдь не дозволял вмешиваться в государственные вопросы и даже говорить о них, Александр III действительно оградил себя от интриг, могущих его свернуть с твердо начертанного им пути. Но это породило другое зло — отчужденность от общества, отчужденность от жизни и незнакомство с новыми, выдвигавшимися ею запросами и настроениями.

Существование в заколдованном кругу, куда лишь с трудом и смутно проникают те течения мысли, которые в данное время захватывают и направляют народную волю, для монарха столь же опасно, как постоянное выслушивание городских сплетен и выдерживание перекрестного огня неизменно плетущихся вокруг него интриг.

Но таково положение всех царствующих: либо полная отчужденность, либо невольное впитывание в себя множества разнообразных нашептываний к подсказываний, разобраться в коих тем более трудно, что в правдивости и в личном бескорыстии различных сообщений и указаний монарх никогда не может быть уверен.

Приведу по этому поводу мнение великой княгини Елисаветы Феодоровны об окружении Николая II и его супруги.

На слова одного видного судебного деятеля, выразившего сожаление, что **{73}** Государь не видит никого, кроме его ближайшего окружения и что, если ему неудобно общаться с парламентариями, то он мог бы все же видеть людей из мира литературного, художественного и научного, великая княгиня с живостью ответила :

«А почему же не парламентариев? Ведь, при нынешней обстановке, достаточно прожить один год при дворе, чтобы утратить всякую веру в людей».

В первые годы своего замужества Императрица Александра Феодоровна сознавала весь вред этого одиночества. Так, в одном опубликованном письме к своей немецкой приятельнице, графине Рантцау, она, говоря о том, что ее муж молод и неопытен, добавляет с явным неудовольствием: «его окружают тесной толпой родичи — великие князья и великие княгини».

Впрочем, существовавший с давних пор при дворе обычай собирать по воскресеньям за царским столом на так называемых фамильных обедах всех членов царствующей династии был нарушен. Но это лишь уменьшило, если не упразднило совершенно, возможность для Царя и Царицы услышать свободный, независимый голос людей. Дело в том, что если общих семейных собраний не было, то отдельные члены Императорской фамилии зато весьма часто принимались Царской четой, в особенности же великий князь Сергей Александрович, женатый на сестре Государыни, и великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре Государя, — оба весьма честолюбивые.

Ограничение близкого общения с людьми семейным и придворным кругами не оградило, однако, Николая II от слухов, сплетен и интриг. Не только придворные, но и большинство членов Императорской фамилии не довольствовались **{74}** своим общественным положением. Властолюбие и честолюбие были развиты в их среде в степени чрезвычайной, и захватить влияние на Царя, проникнуть к широкой власти многие из них стремились безудержно.

Это вело к бесконечным интригам и соревнование между ними, переходившему порой в зависть и взаимную вражду. Каждый, преследуя свою цель, при этом передавал Царю и Царице в соответствующем освещении не только события, совершавшиеся в стране, по также поступки и намерения своего противника.

Александра Феодоровна сознавала это, а поэтому понятно желание ее вырваться из заколдованного круга придворной жизни, придти к непосредственному соприкосновению с народной массой и там узнать ту правду, которую среди ближайшего окружения, она понимала, искать было тщетно. Одна из существенных причин ее расположения к Распутину состояла именно в том, что она почитала его за выразителя народной мысли.

Изолированность Государя приводила еще к тому, что с преобладающим большинством избранных им министров он сколько-нибудь близко знакомился лишь после их назначения. Той среды, того слоя, из которых они черпались, он совершенно не знал, а потому, естественно, что при выборе своем он останавливался либо на лице, случайно его прельстившем в кратковременной беседе, либо на указаниях все тех же окружавших его немногочисленных приближенных, преимущественно, весьма порядочного, но ограниченного министра Императорского двора, гр. Фредерикса, неизменно рекомендовавшего на

любую должность бывших офицеров Л.-Гв. Конного полка, коим он некогда командовал.

{75}

7.

Вмешательство Александры Феодоровны в дела государственного правления проявилось далеко не сразу после ее брака. Пока в стране все было более или менее спокойно и никакие семейные обстоятельства не омрачали, озаренную глубокой взаимной любовью, жизнь Царской четы, ни врожденная властность Царицы, ни ее болезненный мистицизм на управлении страной не отражались.

Впитав в себя смолоду правило, что жены не должны вмешиваться в деловую сторону жизни своих мужей, Александра Феодоровна в течение долгого времени ограничивалась тем, что в домашнем быту с места захватила в свои руки всю власть.

Существенно содействовало ее отчужденности от вопросов политических и то, что Государь, освободившись от докладов своих министров, был рад в домашней обстановке забыть о своих государственных заботах и всецело предавался в кругу семьи тем мелким домашним интересам, к которым он вообще питал природную склонность.

В этот первый период своего царствования Николай II неоднократно советовался со своей матерью, Императрицей Марией Феодоровной, влияние которой нередко и сказывалось, но с супругой **{76}** своей, к тому же еще не успевшей сколько-нибудь близко ознакомиться с русской политической жизнью, бесед на широкие государственные темы он, по-видимому, не вел вовсе.

Впервые обратила Царица усиленное внимание на вопросы, касающееся управления государством, лишь в 1905 году, после того как в стране возникло бурное революционное движение. В сознании ее тогда впервые возникла мысль о том. что власть ее супруга отнюдь не столь прочна, как это ей до тех пор представлялось и что для укрепления пошатнувшегося трона необходимо принять энергичные меры.

В это же время, тоже впервые, обратился за советами к своей супруге и Николай II, причем даже стал передавать на ее просмотр издаваемые им государственные акты. Так, через ее цензуру прошел акт, помеченный 18 февраля 1905 г., гласивший о незыблемости самодержавия.

Однако, и в ту пору влияние Царицы на государственное управление было, в общем, второстепенное и притом сказывалось лишь спорадически. Оно и понятно, так как никаких сношений со стоящими во главе управления страной министрами она не имела и вообще не находилась непрерывно в курсе государственных дел.

Не имел значения в течение продолжительного времени и патологический мистицизм Царицы, реально обнаружившийся по совершенно иному поводу, а именно вследствие долгого отсутствия у Царской четы потомства мужского пола. При последовательном рождении четырех дочерей, несбывавшаяся каждый раз надежда на рождение сына — преемника царской власти — глубоко печалило Царскую семью.

Современное научное знание человеческого организма не дает возможности пособить этому **{77}** обстоятельству какими либо естественными способами, а посему в подобных случаях люди вообще

склонны обращаться к разным чудодейственным приемам, как то заклинаниям и иным суеверным действиям. Не удивительно, что к ним же прибегла преисполненная мистицизма Александра Феодоровна.

Приглашенный к этому времени во дворец, французский шарлатан, некий Philippe, настолько сумел убедить Царицу, что он в состоянии обеспечить ей, путем внушения, мужское потомство, что она не только вообразила себя беременной, но даже чувствовала все физические симптомы этого состояния. Лишь после нескольких месяцев так называемой ложной беременности, весьма вообще редко наблюдаемой, Государыня согласилась на освидетельствование себя врачом, который и определил, что никакой беременности у нее нет.

Этот случай конкретно выявил истерическую природу Александры Феодоровны.

Из писем Императрицы видно, что ловкий шарлатан сумел уже в то время обнаружить слабую сторону ее умственного склада, а именно, ее безграничную властность и болезненное отстаивание самодержавных прав своего супруга. Так, в одном из писем Государю, она прямо говорит, по поводу невозможности установления в России конституционного образа правления: «Ты помнишь, и Mr. Philippe говорил то же самое».
Сумел этот проходимец прельстить и Государя, подтверждая то положение, которое ранее того внушал ему Д. С. Сипягин. В уже цитированном мною дневнике Половцова, под 1-м сентября 1902 г. отмечено: «Филипп внушает Государю, что ему не нужно иных советчиков, кроме представителей высших духовных небесных **{78}** сил, с коими он, Филипп, ставит его в сношение».

«Отсюда, — продолжает Половцов, — нетерпимость какого либо противоречия и полный абсолютизм, выражающийся подчас абсурдом. Если на докладе министр отстаивает свое мнение и не соглашается с мнением Государя, то через несколько дней получает записку с категорическим приказанием исполнить то, что было ему сказано».

Однако, Царица все же решилась расстаться с Филиппом после того, как Департаменту Полиции, через своего агента в Париже, Рачковского, удалось его разоблачить. Государыня уступила, ибо в данном случае ее глубокие личные интересы затронуты не были, а после справок, полученных о Филиппе от французского правительства, сохранять его при дворе было невозможно. Но, как видно из писем Александры Феодоровны к Государю, она этим справкам не доверяла, приписывала все интригам Рачковского, и до конца сохраняла веру в мудрость французского шарлатана. Насколько в данном случае Императрица повлияла и на Государя, можно судить по тому, что он приказал немедленно убрать Рачковского из Парижа после сделанных им разоблачений о Филиппе, несмотря на то, что благодаря сведениям, доставлявшимся Рачковским о заграничной деятельности русских революционеров и замышляемых ими террористических актах, его присутствие там было существенно важно даже с точки зрения личной безопасности Государя.

Иные условия создались во времени появления при дворе Распутина. Тогда уже обнаружилась у Наследника та ужасная, наследственная в Кобургском Доме, болезнь, которой он страдал.
{79} Болезнь эта — гемофилия — происходит от слабости стенок кровеносных сосудов, которые при малейшем напряжении лопаются и вызывают трудно останавливаемое и постоянно угрожающее фатальным исходом кровотечение ; врачами эта болезнь почитается за неизлечимую.

Приблизительно ко времени появления первых приступов этой болезни, судьба, к великому несчастью России, привела в Петербург Григория Распутина, хвалившегося обладанием какой то чудотворной силой.

Было ли это простой случайностью, или, как некоторые утверждали, Распутин употреблял особые обоюдоострые лекарства своего приятеля, бурята Бадмаева, вообще занимавшегося врачеванием при помощи каких то тибетских средств, но, во всяком случае, моменты улучшения здоровья Наследника и облегчения его острых болей во время припадков несколько раз совпадали с посещеньями его Распутиным. Врожденная склонность Государыни к мистицизму и безумное беспокойство за сына сыграли в данном случае роковую роль: Государыня почти сразу настолько уверовала в Распутина, что сочла его за Богом посланного человека, имеющего специальную миссию — спасти и сохранить Наследника русского престола.

Это был, впрочем, не единственный случай проявления неоспоримой в представлении царской четы сверхъестественной силы Распутина.

Наибольшее впечатление не только на Царя и Царицу, но и на всех при этом присутствовавших, произвел Распутин действием своего внушения на Вырубову, тяжело пострадавшую во время железнодорожной катастрофы. Положение ее было очень опасное, по мнению врачей, почти безнадежное. Она находилась в забытьи, но при этом **{80}** в бреду постоянно повторяла: «Отец Григорий, помолись за меня»!

Распутин, узнавши лишь случайно о тяжелом состоянии Вырубовой, немедленно отправился в автомобиле, который, кстати сказать, ему предоставила графиня Витте, в госпиталь, в Царское Село. Войдя без предупреждения в палату, в которой лежала Вырубова и где в это время находились Государь, Государыня, А. С. Танеев — отец Вырубовой, и женщина врач — кн. Гедройц, Распутин подошел к больной, взял ее за руку, и внушительно сказал: «Аннушка, проснись, поглядь на меня»!

К общему изумлению, Вырубова раскрыла глаза и, улыбаясь, сказала:

— Григорий, это ты? Слава Богу!

Сказав присутствующим: «поправится», — Распутин, шатаясь, вышел в соседнюю комнату и там, от произведенного огромного волевого усилия, упал в продолжительный обморок. Случай этот приведен С. П. Белецким в его письменных показаниях, данных им, учрежденной временным правительством, чрезвычайной следственной комиссии. В совершенно тождественной версии передавали его и многие лица, близкие ко двору.

Произошло это вскоре после того, как товарищ министра внутренних дел, Джунковский, предоставил Государю свой первый доклад о бесчинствах, творимых Распутиным. Ознакомившись с этим докладом, Николай II серьезно разгневался на пресловутого старца. Приведенный нами случай с Вырубовой восстановил у Государя веру в Распутина.

Судьба благоприятствовала старцу и в дальнейшем. Судя по показаниям того же Белецкого, Распутин боялся продолжительных разлук Царя с Царицей, опасаясь, что, во время таких **{81}** разлук, Государь выйдет из под влияния Александры Феодоровны и ему сумеют открыть

глаза и показать, что в действительности представляет собою Распутин.

Во время войны, убедившись, что Государь дольше остается в ставке и реже возвращается в Царское, когда при нем находится сын, Распутин задумал убедить Царицу, что долговременное пребывание на фронте Наследника вообще вредно, а в частности, что поездки по фронту для него могут быть гибельны. Государь не поддался, однако, этим убеждениям и, вопреки советам Распутина, в начале декабря 1915 г., отправляясь в объезд южного фронта, взял Наследника с собой. Случилось, что в самом начале этой поездки у Наследника в вагоне открылось кровотечение носом. Государь немедленно повернул поезд обратно в ставку, а оттуда, так как кровотечение продолжалось, почти тотчас вернулся в Царское Село.

По прибытии в Царское, Распутину было немедленно сообщено по телефону о болезни Наследника с тем, чтобы он тотчас же приехал.

Вот выписка из показаний Белецкого по этому поводу:

«Но он (Распутин) в тот день не поехал в Царское и, как потом передавал, сделал это сознательно, чтобы «помучился Государь» и только по телефону передал, чтобы положили Наследника в кровать, а сам выехал лишь на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, «что теперь Государь будет слушаться его советов». После этого, действительно, не только увеличилось его влияние во дворце, но на время прекратились и выезды Наследника в ставку».

Увеличилась у Николая II и Александры **{82}** Феодоровны вера в правильность советов Распутина и после того, как принятие Государем верховного командования армией не только не имело тех дурных результатов, которых опасались министры, а, наоборот, вызвало, если не в причинном, то в хронологическом порядке заметное улучшение нашего положения на фронте.

Между тем, в той упорной борьбе, которую вынес Государь по поводу задуманного им личного возглавления армии, его усиленно поддерживал Распутин, и Государыня это впоследствии неоднократно напоминала царю.

Таким образом, стечением ряда случайных обстоятельств, глубоко верующая Александра Феодоровна пришла к непоколебимому убеждению, что Распутин, как он сам себя называл, — Божий человек. При этом малограмотный, но умный и весьма хитрый мужик, быть может, при помощи гипнотического воздействия, сумел понемногу внушить Государыне, что не только здоровье Наследника, но и самая судьба династии связаны с его личной судьбой.

Это убеждение Государыня запечатлела и в письме Государю от 4-го ноября 1916 г. Она пишет: «Если бы у нас не было *Его* (Распутина), все бы уже давно было кончено — я в этом совершенно убеждена».

Высказывал такую же уверенность Распутин и другим лицам. По словам того же Белецкого, он убежденно говорил: «меня не будет и их не будет».

При этом Распутин утверждал, что он обладает даром безошибочно определять степень преданности тех или иных лиц царствующему дому.

Вера Государыни в божественную силу Распутина была безгранична. Усматривая в его **{83}** безграмотных и нарочито затуманенных телеграммах какой то глубокий, сокровенный смысл, она их тщательно переписывает на отдельном листе и снабжает ими своего

супруга. Ему же она сообщает все новые, получаемые ею от Распутина, телеграммы, причем неизменно настаивает на исполнении всех его советов. Само собой разумеется, что и доверие ее к Распутину также было безгранично. Получив секретный маршрут путешествия Государя по фронту, она пишет: «я, конечно, никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу, чтобы он тебя всюду охранял».

Предлагая Государю на ту или иную должность своего кандидата, она неизменно сообщает об его отношении к Распутину. Так о князе Урусове (редакторе «Правительственного Вестника»), которого она прочить па пост обер-прокурора Св. Синода, она поясняет в скобках «познакомился с нашим Другом».

Говоря о кандидатуре на ту же должность Гурьева (директора канцелярии Св. Синода), она пишет: «любит нашего Друга». Относительно Петроградского градоначальника кн. Оболенского она утверждает: «он стал лучше с тех пор как слушается советов нашего Друга». Про А. Н. Хвостова и его кандидатуру на пост министра внутренних дел она решительно заявляет: «с тех пор как и наш Друг за него высказался, я окончательно уверовала, что это лучшее назначение».

Передает Александра Феодоровна Государю и указания Распутина, касающиеся способа ведения войны и направления наших усилий на ту или иную часть фронта. Мало того, с очевидной непоколебимой верой в чудотворную силу Распутина, Александра Феодоровна сообщает Государю, что, узнав о наших каких то военных **{84}** операциях, успеху которых помешал туман, Распутин «выразил сожаление, что не знал об этих операциях раньше, ибо в таком случае тумана бы не было, но что, во всяком случай, туман впредь мешать нам не будет».

Надо, однако, признать, что Распутин, проводя своего кандидата, сперва тщательно старался выяснить степень приемлемости его самой Государыней, а лиц ей неугодных поддерживать не решался, хотя бы это и входило в его расчеты. Так, например, он состоял в близких сношениях с Витте, а в особенности с его супругой, но, зная отношение к нему Царской четы, и заикнуться о нем не смел.

В соответствии с этим, Распутин первоначально проводит всех своих кандидатов на министерские должности через третьих лиц, причем непременным посредником является А. А. Вырубова, на которую влияние его было безгранично. Сам Распутин решается определенно высказаться за то или иное лицо лишь после того как ему, через ту же Вырубову, становится известно, что ей удалось убедить Царицу в полной пригодности его кандидата для замещения намеченной для него должности. Таким образом, Распутин действует только наверняка, хорошо понимая, что если его указание хотя бы однажды будет отвергнуто, он утратит значение оракула, советы коего, обязательны.

Впрочем, в большинстве случаев мысль о кандидатуре, того или иного лица возникает не у самого Распутина, а у третьих лиц, лишь прибегающих к его содействию для осуществления своих замыслов.

Личную инициативу проявляет Распутин почти исключительно в делах церковного управления, а также в вопросах, касающихся удаления **{85}** от власти лица, выказавшего ему враждебность. Подобных лиц Распутин уже по собственному почину стремится всемерно очернить, и не останавливается ни перед какими средствами для их отдаления от Царской семьи.

Так, по его наговорам преисполняется Александра Феодоровна определенной неприязнью к великому князю Николаю Николаевичу.

Если причины, приведшие Царицу к глубокой вере в чудодейственную силу Распутина и в непогрешимость его советов вполне понятны, то труднее постичь, на чем было основано то неоспоримое влияние, какое возымела на Александру Феодоровну Вырубова. Правда, по общему отзыву близко знавших ее лиц, женщина эта отличалась чрезвычайной хитростью, которая и заменяла ей наличность сколько-нибудь выдающегося ума и хотя бы поверхностное знакомство с политическими вопросами. Она старалась завоевать симпатии Государыни, убеждая ее в своей безграничной преданности всей Царской семье, а в особенности самому Царю, по отношению к которому она, по-видимому, даже прикидывалась влюбленной. Сообразив, что пленить Царицу можно отнюдь не раболепством и не безукоризненным исполнением придворного этикета, так как в искренность чувств, высказываемых блюдущими этот этикет Александра Феодоровна успела изверится, А. А. Вырубова, в то время еще девица Танеева, при первом же своем появлении при дворе в качестве свитской фрейлины, прикинулась необычайной простушкой до такой степени, что первоначально была признана непригодной для несения придворной службы. Это даже побудило Императрицу усиленно содействовать ее свадьбе с морским офицером Вырубовым, потому что путем замужества, ее служба при дворе сама **{86}** собой кончалась без нанесения ей обиды, что было бы, разумеется, неизбежными последствием простого исключения ее из числа свитских фрейлин.

Между тем, брак Вырубовой оказался весьма неудачным: не прошло и года, как молодые супруги сначала разъехались, а затем и формально развелись. По-видимому, Царица считала себя до некоторой степени ответственной за этот брак и в известной мере даже обязанной смягчить его последствия. В виду этого, Вырубова часто приглашается ко двору и Императрица старается ее утешить выказыванием ей особенного внимания, которое Вырубова очень ловко использует. То обстоятельство, что она не имеет никакого официального положения при дворе, не только не мешает ее сближение с Царицей, а, напротив, содействует ему. Но в представлении Государыни умело высказываемые Вырубовой чувства беспредельной преданности Царской семье получают характер полной искренности, так как, по ее мнению, чувства эти не могут проистекать из каких либо личных видов: Императрица была далека от мысли, что положение друга Царицы более завидно, чем положение лица, принадлежащего по должности к ее окружению. Находится, наконец, и иная почва для их сближения, а именно общая любовь к музыке. Обладая обе некоторым голосом, они занимаются пением дуэтов, что приводит к их ежедневному продолжительному общению. Еще большей связью является впоследствии их слепая вера в Распутина.

По мере того как А. А. Вырубова становится ближе к Царице, она превращается в посредника между нею и Распутиным.

Дело в том, что Царица вполне понимала, **{87}** что близость ко двору простого мужика с общежитейской точки зрения в глазах общества представляется чем то ненормальным а вызывает множество толков. В виду этого, она стремится скрыть посещения дворца Распутиным и даже самые приезды Распутина из Петербурга в Царское Село, С этой целью Распутин приезжает в Царское Село не по железной дороге, где его приезд, вследствие его оригинальной фигуры, привлекающей всеобщее

внимание, не может пройти незамеченным, а в автомобиле по шоссе. С той же целью свидания Царицы с Распутиным, а позднее и с некоторыми другими лицами, происходят не во дворце, а в помещении Вырубовой. Таким образом, Вырубова становится понемногу тем центром, где сосредоточиваются усилия всех, добивающихся достигнуть той или иной цели непосредственно через Царскую семью.

Вообще нельзя даже определить границы той огромной роли, которую играла А. А. Вырубова в последний период царствования Императора Николая II. Вез ее непосредственного участия и деятельной помощи, Распутин, не взирая на все свое влияние, достичь ничего не мог. Оно и понятно, так как непосредственные сношения пресловутого старца с Царицей были в общем чрезвычайно редки и учащать их он, по-видимому, и сам не стремился, весьма тонко соображая, что частое общение с ним может лишь ослабить, а не то и совершенно уничтожить его авторитет.

Наоборот, Вырубова была в ежедневных сношениях со всей Царской семьей, в точности изучила особенности характера Государыни и научилась в совершенстве приемам воздействия на нее. В сущности, в той потрясающей драме, которую пережила страна в течение двух последних лет поверженного строя, роли **{88}** Распутина и Вырубовой настолько тесно переплелись, что выяснить степень значения каждого из них в отдельности нет никакой возможности. Если общественность была в особенности возмущена ролью Распутина, а Вырубову отодвигала на второй план и интересовалась ею гораздо меньше, то это исключительно потому, что близость к Царице женщины, принадлежавшей к петербургскому обществу и ничем особенным не отмеченной, не представлялась ничем анормальным, тогда как близость безграмотного мужика, ведущего явно распутную жизнь, была для всех и каждого обстоятельством, настолько выходящим из рамок обычных явлений, что вызывала всеобщее негодование.

Между тем, повторяю, определить, кто из этих двух людей нанес больший реальный вред строю, — нельзя. В сущности, сила их проистекала из согласованной совокупности их действий.

Занятое Вырубовой положение, несомненно, тешило ее природное с течением времени все более и более разыгравшееся честолюбие. Весьма возможно, что она была при этом искренно убеждена, что служит интересам Царской четы.

{89}

8.

Если у Государыни вера в Распутина была безгранична и всеобъемлюща, то вера Государя в него ограничивалась, по-видимому, убеждением, что он обладает целительной силой по отношению к Наследнику. На государственный разум Распутина, на его умение распознавать людей Николай II не полагался и, если, тем не менее, его кандидаты назначались на высокие посты, то лишь благодаря усиленным настояниям Царицы. Однако, и этим настояниям он стремился не подчиняться и во всяком случае не сразу им следовал.

Из переписки Царской четы ясно видно, что Царице приходится долго и упорно настаивать на назначении или увольнении того или иного лица, чтобы, наконец, этого достигнуть, причем некоторые ее кандидаты так и не проходят, а все назначения, состоявшиеся в ставке, т. е. вдали от Александры Феодоровны, сделаны вопреки ее желанию. Так назначены были Самарин — обер-прокурором Св. Синода и ген. Поливанов — военным министром; так был уволен Штюрмер и заменен Треповым.

Если Императрица просто не верила лицам, утверждавшим, что Распутин предается пьяному разгулу, что он хвастает своей близостью к Царской семье и почитала эти утверждения за **{90}** простую клевету, распускаемую ее личными врагами, то Государь, наоборот, в душе сознавал, что рассказы эти, хотя, быть может, преувеличены, но имеют какое то основание и даже неоднократно высказывал Распутину свое явное по этому поводу неудовольствие. Если Царь, тем не менее, не отдалил Распутина от двора, то лишь вследствие того, что, с одной стороны, верил в его, незаменимую для поддержания здоровья и даже жизни Наследника, целебную силу, а с другой, — потому что не мог преодолеть настояний Государыни. Чрезвычайно характерна в этом отношении фраза, сказанная Государем в 1911 г. Столыпину, усиленно убеждавшему его выселить Распутина в его родное село Покровское, с воспрещением выезжать оттуда: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, — сказал Государь, — что вы мне искренно преданы. Быть может, все, что вы мне говорите — правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу».

Ранее этого, когда Распутин еще никакого влияния на политику не имел и вся беда сводилась к тому, что в царские чертоги проник разгульный бахвалившийся мужик, о чем усиленно гласила мирская молва, Государь выставлял и другой довод. Он говорил, что Распутин никакими правами им не облечен, а то обстоятельство, что он бывает во дворце, что он с ним беседует, — решительно никого не касается:

«— Это моя частная жизнь, — заявлял Государь, — которую я имею право, как всякий человек, устраивать по моему личному усмотрению...»

Но в том то и сила, что у монархов частной жизни нет. Они живут как бы в **{91}** заколдованном кругу, где все, творящееся за его пределами, во многом для них неведомо и непонятно, куда отзвуки жизни доходят с большим трудом. Но за то вся жизнь самих монархов, каждый их жест, на виду у публики и обсуждаются ею со всех сторон. В этом случае, можно сказать, что если для глаз Царя стены его дворца непроницаемы и

заслоняют окружающий мир, то для глаз общества они прозрачны и даже напоминают собою оптическое стекло, представляющее все в преувеличенном виде.

Впоследствии многие не могли понять, каким образом Александра Феодоровна настаивала на святости Распутина, несмотря на то, что ей со всех сторон твердили, что Распутин — грязный, хвастающийся своей близостью к ней, мужик. Да, ей многие это говорили, даже из числа лиц наиболее близких ко двору; многие, но не все, ибо были и такие, которые, наоборот, поддерживали ее в убеждении, что Распутин чудотворец и провидец.

Среди них главную роль играла, разумеется, А. А. Вырубова.

Наконец, надо иметь в виду, что Распутина ввел во дворец весьма умный иерарх Церкви епископ Феофан, что его поддерживал в течение долгого времени другой епископ, который тоже пользовался всеобщим уважением, — Гермоген, что за Распутина стоял и царский духовник, священник Васильев, бывший в дружбе с товарищем обер-прокурора Св. Синода, Даманским, к которому также проник Распутин, что среди самих министров, и притом по существу отнюдь не распутинцев, были и такие, которые, если не поддерживали Распутина, то и не восставали против его присутствия во дворце и что среди них был даже Горемыкин, с места **{92}** решивший, что борьба с Распутиным ни к чему не приведет, а посему лучше и вопроса о нем не поднимать.

При таких условиях сам собою возникает вопрос: почему Государыня обязана была поверить именно тем, кто бранил Распутина, а не тем, кто его отстаивал? Борьба с Распутиным была, несомненно, очень трудная, сопряженная со многими неприятностями. Так, например, для Государственной Думы борьба эта была совершенно безнадежной.

Тот грубый натиск на Государя, который произвели и первая и вторая Государственный Думы, вселил в Александру Феодоровну убеждение, что учреждение это вообще представляет собою сборище врагов династии как таковой и в особенности ее личных врагов. О степени достоверности того, что говорилось с трибуны Государственной Думы, Александра Феодоровна могла судить по тому, что с этой самой трибуны весьма, прозрачно намекалось на ее будто бы германские симпатии и даже на ее измену русскому делу. Она, сосредоточившая все свои мысли на достижении победы над германцами, не могла не быть возмущена такой клеветой и не могла не утратить всякой веры во все, что произносилось с этой трибуны.

Испытывая с самого прибытия в Россию недружелюбное к себе отношение со стороны столичного общества, не могла она придавать значения и тому, что говорилось в этом обществе, коль скоро внутреннее чувство утверждало ее в обратном.

Ненависть столичного общества к Распутину Государыня объясняла себе, между прочим, и тем, что он принадлежал к крестьянству, а не к тому избранному кругу, который **{93}** почитал доступ во дворец своим исключительным правом. Между тем, членов этого общества Государыня величала не иначе как «бриджистами», а то обстоятельство, что Распутин принадлежал к народным массам, в глазах Царицы было его большим преимуществом: она думала, что слышит от него как бы голос земли.

Словом, основным виновником того, что вера Государыни в Распутина осталась до конца непоколебимой, была та среда, которая поставляла такое множество лиц, согласных ради достижения власти,

ради карьеры не только пресмыкаться перед распутным мужиком, но еще всячески его превозносить в своих беседах с Государыней. Это были все те же Хвостовы, Штюрмеры, Белецкие и многие другие, которые, прекрасно зная, что такое Распутин и вполне сознавая весь вред, наносимый обаянию царского имени одним фактом его близости к престолу, тем не менее поддерживали его престиж в глазах Царицы.

Как могла поверить Государыня в продажность Распутина, в его дикий грязный разгул, когда высший иерарх Церкви, митрополит Петербургский Питирим, относился к Распутину с таким почтением, что не только звал его к себе обедать, но еще сажал его на почетное место рядом с собою?

В то же время до Царицы доходили через Вырубову собственноручные письма уважаемых архипастырей, в которых они просили Распутина оказать им содействие в получении белого клобука — символа митрополичьего достоинства.

Подобные письма Распутин неизменно доводил до сведения Императрицы, не без основания полагал, что они послужат доказательством того, что люди заведомо почтенные не гнушаются иметь с ним дело и даже просят его **{94}** заступничества. Снабжал он эти письма и своими резолюциями, вроде следующей: «ни достоин», положенной им как раз на обращении того архиепископа (предпочитаю имени его не называть, — он остался в России, но к большевикам не пристал), который стремился к митрополичьей кафедре.

А давний знакомый Царицы, генерал Шведов принимавший видное участие в работе Красного Креста, кстати сказать, проныра, не брезгавший никакими способами для устройства своей судьбы и наполнения своего кармана, называл Распутина не иначе как «отец Григорий». Царице это было известно и она, в свою очередь, отмечает это в письмах к Государю.

Да, почему Царица обязана была слушать хуливших Распутина, большинство которых она почитала за своих личных врагов, а не тех, которые верили в святость Распутина, или, но крайней мере, притворялись, что верили, причем считались Государыней за верных ее друзей?

Нет сомнения, что при совокупности всех этих обстоятельств борьба с Распутиным, в смысле изменения к нему отношения Царицы, была чрезвычайно трудна, но, однако, не невозможна. Нужно было лишь составить единый дружный фронт и представить ей неопровержимые доказательства шарлатанства и развращенности Распутина, чтобы в корне изменить ее отношение к нему. До чрезвычайности чистая натура Александры Феодоровны совершенно не выносила людской грязи и никаких компромиссов в этом отношении не допускала. Доказательством возможности поколебать ее веру в Распутина может служить то, что произошло летом 1911 года, в самый разгар бесчинств, творимых иеромонахом Илиодором в Царицыне.

{95} Этот наглый проходимец, поддерживаемый честолюбивым епископом саратовским Гермогеном и имевший за собой в то время опору в лице Распутина, отказался исполнить состоявшееся о нем постановление Св. Синода о переводе его из Царицына в г. Новосиль Тульской губернии. Запершись в монастыре, который он построил под самым Царицыным на собранные им пожертвования и которому он придал характер крепости, Илиодор ежедневно произносил зажигательные проповеди, собиравшие толпы народа.

В проповедях этих Илиодор, под личиной патриотизма и преданности самодержавному русскому Царю, всемирно поносил не только светскую, как местную, так и центральную, власть, но и Св. Синод. Посланный Синодом для увещевания Илиодора епископ Парфений ничего добиться от него не мог. Государь, не имея возможности разобраться в этом деле, в виду противоречивых данных, сообщаемых ему с одной стороны гражданской властью, а с другой Распутиным через посредство Императрицы, решил послать на место какое либо лицо, пользующееся его особым доверием с тем, чтобы узнать всю правду. Таким лицом был избран один из флигель-адъютантов Государя, А. Н. Мандрыка, (впоследствии Тифлисский губернатор) в преданности которого Государь был уверен. Выбор этот был, однако, подсказан Государю через посредство Царицы тем же Распутиным, рассчитывающим на то, что двоюродная сестра Мандрыки была настоятельницей Балашевского монастыря и находилась всецело под влиянием Гермогена, а, следовательно, признавала авторитет Илиодора, а главное — Распутина. Соответственные указания при отъезде Мандрыки в Царицын и были посланы ей Распутиным.

{96} Расчет Распутина, однако, не оправдался. А. Н. Мандрыка на месте не только разобрался в сущности дела, которое он должен был разъяснить, но еще выяснил и причастность к этому делу самого Распутина. Кроме того, раскрылась для Мандрыки и личность самого Распутина, побывавшего незадолго перед тем в Саратовской губернии и посетившего некоторые из тамошних женских монастырей. В монастырях этих он предавался определенному разврату, заставлял монахинь мыть себя в бане и втягивал их в отвратительные оргии, одновременно хвастаясь своей близостью к Царю и Царице.

Вернувшись в Царское Село, А. Н. Мандрыка сделал Государю в присутствии Царицы подробный длившийся более двух часов доклад. В величайшем волнении передал он все, что выяснил о Распутине, причем закончил словами, что для всякого, подобно ему глубоко почитающего царскую семью, совершенно невыносимо слышать, как священное имя Царя и Царицы соединяется с именем грязного развратного мужика.

Факты, доложенные Мандрыкой, а в особенности искренность его тона (доклад его закончился случившимся с ним почти истерическим припадком) очевидно произвели глубокое впечатление на Царскую чету.

Но не дремало тем временем и распутинское окружение. Была выписана из Саратова упомянутая настоятельница Балашевского монастыря, причем добились ее приема Государыней. Цель преследовалась определенная — разрушить веру в доклад Мандрыки путем очернения его самого устами его близкой родственницы. Одновременно Государь со своей стороны вызвал, ездившего в Царицын от Синода, епископа **{97}** Парфения, который всецело подтвердил данные, сообщенные Мандрыкой.

В результате Распутину было приказано немедленно выехать из Петербурга и, казалось, что, наконец, удалось раз навсегда удалить от двора этого вредоносного человека.

Так смотрел на это и Столыпин, тщетно до тех пор стремившийся добиться высылки Распутина.

Оказалось, однако, что удаление одного Распутина недостаточно, так как на месте оставалось все его окружение, а в особенности А. А. Вырубова, которая принялась понемногу восстанавливать веру Александры Феодоровны в боговдохновенность Распутина и вселять в

нее убеждение в лживость доклада Мандрыки. При этом Вырубова продолжала поддерживать письменные сношения с уехавшим из Петербурга Распутиным. Когда почва у Царицы была достаточно подготовлена, дано было знать об этом Распутину, который и решил употребить крайнее средство для возвращения своего ко двору. Сумел он при этом так поставить вопрос, что о нем лично как будто и речи не было. Он обратился к Государыне, в телеграмме, на ее имя, с мольбой о прощении Илиодора и оставлении его в Царицыне, говоря, что в противном случае Наследнику грозит великая опасность. Перед этой угрозой Царь и Царица не устояли. Постановление Синода о перемещении Илиодора из Царицына в другую епархию был Государем самолично отменен, а Распутин вновь вернулся ко двору, сильнее чем когда либо (Данные эти почерпнуты мною из воспоминаний А. Н. Мандрыки, до сих пор еще не появившихся в печати.).

{98} Инцидент этой доказывает, что сила Распутина, или вернее невозможность раскрыть Государыне истинную его сущность, зависела от той всесильной поддержки, которой он пользовался у лиц, принадлежавших к ближайшему окружению Царицы, в особенности у Вырубовой, сумевшей завладеть безграничным доверием Александры Феодоровны.

Не подложить сомнению, что если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость, вплоть до искательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг. Если бы эти люди, действительно, были под гипнозом Распутина, если бы они сами верили в его сверхъестественные способности, то можно было бы удивляться их наивности, но порицать их было бы не за что, но дело в том, что все ставленники Распутина прекрасно знали ему настоящую цену.

Но вот тщета людских чаяний и расчетов: — почти все эти лица поплатились жизнью за свое мимолетное возвышение!

Впоследствии говорили, что вред, проистекающей от приближения Распутина к Царской семье, произошел не от самого этого приближения, а от того, что его разблаговестили и расшумели лица, стремившиеся с Распутиным бороться. Согласно этому мнению, главными виновниками того страшного урона, который Распутин нанес царскому ореолу, были те члены Государственной Думы и других крупных общественных организаций, которые публично с трибуны разоблачали роль Распутина и рисовали истинную его сущность.

{99} Относительно преувеличения влияния Распутина, ныне, после опубликования писем Императрицы к Государю, говорить не приходится, но нельзя согласиться и с тем, что главный вред произошел от разоблачения той роли, которую играл при дворе этот зловещий, роковой человек. Нет, вред, им приносимый, был и непосредственный. Ведь ему Россия обязана тем, что правящий синклит в последний, распутинский, период царствования становился все непригляднее и вызывал к себе, благодаря своей близости к этому человеку, и отвращение и возмущение; ему Россия обязана и тем, что осенью 1915 г. Государь изменил принятое им решение и, вместо призыва к власти лиц, пользующихся доверием общественности, уволил от должностей всех министров для

общественности приемлемых.

Для всех и каждого было совершенно очевидно, что продолжение, избранного Государыней и навязанного ею Государю, способа управления неизбежно вело к революции и к крушению существующего строя. Только такие слепые и глухие ко всему совершавшемуся люди, как столпы крайних правых, в роде Струкова, Римского-Корсакова к др., могли думать, что замалчиванием можно спасти положение, но люди, глубже вникавшие в события, ясно видели, что без очищения верхов, без внушения общественности доверия к верховной власти и ее ставленникам, спасти страну от гибели нельзя. Да и замалчивать можно лишь то, что еще не получило широкой огласки, что скрыто от лиц, ищущих повода скомпрометировать престиж царской власти. Но ведь про Распутина говорила вся Россия, причем вся Россия знала про то ненормальное положение, которое занял на ступенях трона полуграмотный, развратный, пьяный мужик. Само собой разумеется, что стоустая молва преувеличивала при этом **{100}** близость Распутина к Царице и «к былям небылиц без счета прилагала». Революционные силы, конечно, также пользовались *распутиниадой* для того, чтобы развенчать ореол царского имени в народной массе.

Наконец, разглашению влияния Распутина существенно содействовал он сам, рекламируя где только мог свою близость к Царской семье. Дошел он даже до того, что во время одного из своих пьяных пиршеств, а именно в загородном московском ресторане Яр, в пьяном виде, указывая на надетую на нем расшитую рубашку русского покроя, кричал: «Сашка сама шила!».

{101}

9.

События последнего периода царствования Николая II столь тесно сплели его имя, равно, как имя Александры Феодоровны, с именем Распутина, что, пытаясь разобраться в основных свойствах ума и характера последнего русского самодержца и его супруги, поневоле приходится останавливаться и на этом роковом для России человеке.

Чем был Распутин по существу, обладал ли он какими либо исключительными силами и способностями, принадлежал ли он к какой либо религиозной секте, наконец, был ли он орудием врагов России и, если был, то сознательным или бессознательным? — вот вопросы, которые ставила себе русская общественность перед революцией, ставит себе и поныне, ибо почитать их за вполне выясненные и решение их в том или ином смысле признавать общепризнанным — до сих пор нельзя.

Итак, прежде всего, обладал ли Распутин какими то оккультными способностями? На этот вопрос, как на многие другие, проливают некоторый свет данные, собранные чрезвычайной следственной комиссией, учрежденной временным правительством для расследования действий министров царского правительства.

{102} Судя по этим данным, приведенным, между прочим, в статье члена комиссии, б. прокурора Виленской Судебной Палаты А. Ф. Романова, напечатанной во второй книге «Русской Летописи» (Париж, 1922 г.), Распутина отнюдь нельзя признать личностью заурядной; природа его была сложная, не сразу поддающаяся разъяснению.

Родился Распутин в 1871 году в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии. Смолоду обнаружил он бурный темперамент, проявлявшийся то в повышенной религиозности и столь присущем русскому человеку богоискательстве, то в чрезвычайной физической страстности, переходящей в эротоманию.

Впрочем, медицина давно установила сочетание у людей экзальтированных религиозного фанатизма с повышенной половой страстностью.

Как бы то ни было, у Распутина уже в молодые годы чередовались периоды крайнего разгула с приступами покаяния, молитвенного экстаза и влечения к паломничеству по святым местам.

Посетил он в такие периоды по-видимому все главнейшие русские монастыри, побывал он и в Иерусалиме.

В период молитвенного углубления были им написаны и его духовные размышления, составленные, вопреки распространенному мнению о подделке, им самим, как это установила, по словам А. Ф. Романова, специальная экспертиза.

Словом, в Распутине совмещались две крайности — явление, также свойственное русской природе и имеющее, однако, одну общую основу — бурную страстность. По меткому выражению Достоевского, про таких лиц «никогда вперед не знаешь, в монастырь ли они поступят, или деревню сожгут».

Можно, кроме того, считать вполне **{103}** установленным, что Распутин обладал силою гипнотического внушения, доходившей до степени необычайной. Каким то внутренним напряжением

сосредоточением своей воли он, в отдельных случаях, достигал результатов столь же неожиданных, сколь и исключительных. Впрочем, судя по показаниям б. товарища министра внутренних дел Белецкого он эту силу в себе воспитывал не только лично сам, но и обращался с этой целью к профессиональным гипнотизерам, у которых и брал практические уроки.

Впрочем, вдаваться в эту, столь до сих пор мало исследованную, область я не намерен. Несомненно, однако, что и положительная наука все более склонна признавать за неоспоримые факты многое из того, что сравнительно недавно считалось измышлением грубого суеверия и непроходимого невежества. Сила воздействия человеческого духа на материальные явления все более научно подтверждается, а сфера этого воздействия все более расширяется.

Но можно одновременно с этим утверждать, что у большинства лиц, обладающих таинственной внутренней силой, проявляется она лишь спорадически и сравнительно редко, причем при разгульной жизни легко утрачивается. Вследствие этого, однажды провозгласившие себя чудотворцами и прорицателями вынуждены для поддержания своего обаяния прибегать к заведомым фокусам, иначе говоря, просто превращаться в шарлатанов

Таков был по всем данным и Распутин, т. е. в отдельных случаях, при помощи концентрации своей воли, он становился посредником между какой то неведомой оккультной силой и производимыми ею материальными явлениями, но в большинстве случаев он был лишь хитрым **{104}** шарлатаном, умело пользующимся случайным стечением обстоятельств для укрепления своего положения.

По вопросу о принадлежности Распутина к какой либо определенной секте можно придти к еще более определенному выводу. Дело в том, что вопрос этот весьма интересовал группу членов Государственной Думы еще в 1912 году в связи с распространившимися тогда сведениями о возраставшем влиянии Распутина при Дворе, а в особенности об его систематическом вмешательстве в дела православной Церкви. А. И. Гучков решил этот вопрос вынести на трибуну Государственной Думы. Надо было, однако, найти для этого какой-нибудь законный повод. Таким поводом явилась, наложенная администрацией, кара на газету «Голос Москвы» за напечатание ей открытого письма некоего Новоселова, образовавшего в Москве особый духовно-религиозный кружок. В письме этом говорилось о той опасности, которой подвергается православная Церковь от вмешательства в ее действия и распоряжения отдельных лиц, с православием имеющих мало общего.

Таким образом, дабы связать запрос по поводу административной кары, наложенной на «Голос Москвы», с Распутиным, надо было выяснить, поскольку он в православном смысле является еретиком и принадлежит ли он к недозволенной законом религиозной секте. Подозревался же Распутин к принадлежности к хлыстовству.

Обратились с этой целью к известному знатоку русского сектантства Бонч-Бруевичу, тому самому, который впоследствии объявился убежденным большевиком и стал управляющим делами совета народных комиссаров.**{105}** Бонч-Бруевич, через посредство баронессы В. И. Икскуль, охотно познакомился с Распутиным, вел с ним продолжительные беседы на различные темы, причем выказал к нему некоторую симпатию. Результат своего знакомства с Распутиным и его

религиозными воззрениями Бонч-Бруевич доложил в собрании членов октябристской партии. Пришел он к тому выводу, что ни к какой определенной секте Распутин не принадлежит и в состав ее не входит, но ближе всего его взгляды подходят именно к хлыстовству. Доклад Бонч-Бруевича был, однако, в общем для Распутина благоприятным.

К такому же выводу пришла в 1917 году и вышеупомянутая чрезвычайная следственная комиссия.

Запрос, внесенный в Государственную Думу весной 1912 г. по поводу Распутина, впрочем, по существу никогда Государственной Думой обсужден не был. Он был передан в общем порядке в комиссию по запросам, которая, в виду близкого уже в то время окончания полномочий 3-ей Государственной Думы, его не рассмотрела, вследствие чего он автоматически отпал. Тем не менее, один факт внесения этого запроса и те несколько слов, которые были сказаны по его поводу А. И. Гучковым, произвели огромное впечатление в широких общественных кругах, едва ли не впервые узнавших таким путем о значении той роли, которую играл Распутин. К этому надо прибавить, что крайне левые, как думские, так и общественные круги, никогда с Распутиным и его влиянием не боролись. В их глазах он, очевидно, лишь содействовал тому, чего и они добивались — крушению государственного и общественного строя.

{106} К каким бы сектантским взглядам Распутин ни был склонен, во всяком случае, во время своих паломничеств, благодаря беседам с представителями духовенства, со старообрядческими начетчиками и несомненному общению с различными сектами, он нахватался множества текстов и разнообразных отрывков из Священного Писания. Это давало ему возможность уснащать свою речь множеством цитат, которыми он, отчасти сознательно, отчасти вследствие своего невежества, затуманивал смысл своих речей.

Усвоить его рассуждения было вообще затруднительно, но именно к этому и стремятся все, выдающие себя за прорицателей.

С таким умственным багажом, в период религиозной настроенности, появляется Распутин в Петербурге и здесь, отчасти при помощи присущего ему искреннего богоискательства, отчасти путем притворства и хитрости, очаровывает мистически настроенного ректора Петербургской Духовной Академии (впоследствии епископа Кронштадтского) Феофана; проникает затем к честолюбивому, но горячо верующему епископу саратовскому Гермогену.

Через этих двух иерархов знакомится он с товарищем обер-прокурора Св. Синода, Даманским, и, наконец, постепенно расширяя круг своего знакомства, образует около себя кружок всецело подчиняющихся его влиянию заведомо истеричных женщин, из которых некоторые уже ранее состояли его поклонницами. Среди них оказывается и А. А. Танеева, впоследствии по кратковременному браку Вырубова. Не малую роль в установлении за Распутиным в известных кругах репутации лица, осененного особой благодатью, играет и Г. П. Сазонов, редактор-издатель газеты «Россия».

{107} Наконец, при помощи Феофана и Вырубовой, проникает Распутин во дворец, как раз во время одного из острых болезненных кризисов Наследника и здесь ему, как я уже упомянул не то посчастливилось случайно, не то удалось сознательно связать свое посещение с

улучшением состояния здоровья Наследника.

При дворе, в присутствии Царицы, Распутин держит себя, разумеется, вполне чинно, умело сохраняя при этом все внешние приемы простого безискуственного русского человека и выказывая полное пренебрежение к придворному этикету. Так, к Царю и Царице он обращается неизменно на «ты» и держится с ними вполне непринужденно. Само собой разумеется, что он стремится выказать при этом чрезвычайную религиозность и присущим ему красочным языком непрестанно говорит о Божьей благодати и ее разнообразных проявлениях. При этом он выказывает полное презрение к мирским благам и не только лично ничего для себя не добивается, но даже отказывается от всяких материальных пособий, что не мешает ему, когда его положение укрепляется, проводить ходатайства других лиц, которые и снабжают его за это денежными средствами.

По мере, пополнения своих средств, он обзаводится собственной квартирой, сперва на Английском проспекте, а потом на Гороховой. До тех пор он жил то на квартире Даманского, то у Сазонова, у которых и питался.

Расширяя свои связи в мире высшего духовенства, он начинает вмешиваться в дела Св. Синода. Его стараниями возводится в сан епископа некий Варнава, лишенный всякого образовательного ценза. Распутин добивается назначения **{108}** на Петербургскую Митрополичью кафедру Питирима взамен, восставшего против распутинского вмешательства в дела Церкви, Митрополита Владимира, переведенного из за этого в Киев и, наконец, внушает Императрице желание немедленно канонизировать бывшего Тобольского епископа Иоанна Максимовича, прах которого покоился в Тобольске.

Последнее ему понадобилось, во-первых, для того, чтобы похвалиться у себя на родине степенью своего значения, а, во-вторых, и это едва ли не главное, он, конечно, надеялся, что на открытие мощей приедут Царь и Царица, причем посетят проездом и его родное село Покровское.

Однако по мере расширения круга лиц, ублажавших Распутина, по мере увеличения у него самого денежных средств, его плотская страстная природа берет все более верх, а боговдохновенность и даже религиозность понемногу исчезают.

Дикие кутежи, иногда сопряженные со скандалами, повторяются все чаще, наконец, принимают почти хронически характер.

Особенную огласку получает один скандал, произведенный им на пароходе на Волге, когда капитан парохода, не взирая на похвальбу Распутина о близости к Царской семье, ссадил его на берег, и другой — в московском загородном ресторане «Яр», о котором я уже упомянул выше. Усиленное потребление вина, страстное влечение и наглое приставание к женщинам, выступают все ярче наружу и становятся достоянием все более широких кругов. Перед теми лицами, от которых он не мог скрыть своего поведения, но с мнением которых по тем или иным основаниям считался, он оправдывался положением, проповедуемым некоторыми русскими **{109}** сектами — «не согрешишь, не покаешься». Таким лицом была, между прочим, и Вырубова, неизменно скрывавшая от Царицы развращенность Распутина, но сама отнюдь не находившаяся в неведении его поведения.

Первоначально своей близостью ко двору Распутин пользовался только для вмешательства в церковные дела, в чем ему одно время

помогали близкие сношения с Феофаном и с Гермогеном.

Но дружба с ним этих лиц продолжается недолго. Убедившись в истинным свойствах Распутина, они прилагают все усилия к его развенчанию, но оказывается уже поздно. Положение его при дворе настолько окрепло, вера в него Государыни настолько утвердилась, что все старания Гермогена и Феофана не только остались тщетными, но еще они же сами от этого пострадали: Гермоген ссылается в Жировецкий монастырь, Феофан из Кронштадта переводится в какую то отдаленную от столицы епархию.

По мере того, как слух о влиянии Распутина распространяется, причем влияние его значительно преувеличивалось, различные ловкие люди решают им воспользоваться для достижения своих целей через его посредство.

Не следует при этом забывать, что людская молва изображала Распутина весьма различно. Наряду со слухами о его влиянии и возможности добиться через его посредство чего угодно, распространялось и то, что он святой человек, бессребреник, который помогает обращающимся к нему людям из побуждений христианской любви.

Все это приводит к тому, что у Распутина организуются формальные приемы и число посетителей на них достигает многих десятков. При этом среди обращающихся к нему за той или **{110}** иной помощью, наряду с теми, которые подкрепляют свои прошения материальными подношениями и обещаниями крупных денежных сумм, бывают и такие, которые не только ничего не приносят, но еще и сами просят о денежной помощи.

Как это на первый взгляд ни странно, но Распутин стремился помочь и тем и другим. Дело в том, что у самого Распутина, по мере его возвышения, неудержимо развивалось своеобразное честолюбие. Играть видную роль, быть почитаемым за всемогущую силу, стать на равную ногу с людьми, находящимися по общественному положению неизмеримо выше его, — все это тешило его самолюбие и он охотно поддерживал и такие просьбы, исполнение которых не приносило ему лично никаких прямых выгод. Возможно, впрочем, что он рассчитывал таким путем увеличить в общественном представлении степень своей силы, что и на деле вело и к ее фактическому разрастанию.

Дела, которые брался проводить Распутин, делились на две резко различные категории. Одни из них касались устройства судьбы сравнительно маленьких людей: выдачи им пособий, увеличения получаемой пенсии, продвижения на службе в ее низших степенях. По отношению к таким людям он, в большинстве случаев, ограничивался снабжением их короткими записками к знакомым и незнакомым ему высокопоставленным липам. Записки эти, неизменно начинавшиеся со слов «милай, дорогой», для некоторых лиц, увы! имели такую обязательную силу, что снабженные ими просители были обеспечены в удовлетворении своих ходатайств.

Но была и другая категория дел, исполнение коих приносило Распутину крупную выгоду. Просьбы эти касались различных денежных дел, как **{111}** то концессий, получения поставок и казенных подрядов, а во время войны к этому присоединились еще просьбы о зачислении куда-либо в тыл призванных в войска.

Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому либо ответственных должностей, однако, не поступало.

Известно лишь один случай, когда, по просьбе Распутина, покровительствуемый им управляющий пермской казенной палатой, Ордынский-Танаевский, был назначен губернатором и притом в его родную Тобольскую губернию, о чем Распутина известил его, облетевшей всю Россию, столь характерной для него, телеграммой: «Доспел тебя губернатором».

Понемногу пьяный разгул, в который его сознательно втягивали, стремившиеся в том или ином отношении его использовать, различные беспринципные дельцы и карьеристы, сначала заглушает, а затем и окончательно уничтожает в нем ту его вторую природу, которая по временам влекла его к покаянию, аскетизму и молитвенному экстазу. В результате, к тому времени — приблизительно к началу 1915 года — когда он, через посредство всецело порабощенной им Вырубовой, получает весьма значительное влияние на Императрицу, мысли его направлены уже исключительно к обеспечению собственного благосостояния.

Так, согласно упомянутым выше показаниям С. П. Белецкого, в то время, когда последний имел с ним дело, в конце 1915 г., у Распутина не было никаких идейных побуждений и к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов или интересов Вырубовой. Эти последние интересы Распутин мог по справедливости почитать за собственные.

Наконец, дошло до того, что в совершенно **{112}** интимном кругу Распутин перестал даже прикидываться «Божьим человеком». Он, например, не обижался, когда, приставленный к нему А. Н. Хвостовым, в целях его охраны, жандармский офицер Комиссаров, сумевший войти с ним в дружбу, на его попытки вернуться в разговоре к духовным темам, бесцеремонно ему говорил: «ты божественность-то эту брось; будем говорить попросту»!

{113}

10.

Ненормальное положение, занятое Распутиным на ступенях трона, оказало несомненное влияние на повышение революционной настроенности в русской общественности. Но с исторической точки зрения небезынтересно выяснить и другой вопрос, далеко еще не разрешенный, а именно: действовал ли Распутин исключительно по собственным побуждениям, или он был по временам орудием в чьих то чужих руках и в таком случае пользовались ли им различные люди только для своих личных целей, или же он попадал в руки и к агентам врагов России?

Для разъяснения этого вопроса надо, прежде всего, обратиться к определению характера лиц, составлявших окружение Распутина. По составу своему окружение это было до чрезвычайности пестрое и разнообразное. Наиболее близкие ему люди принадлежали к числу искренно поверивших в его боговдохновенность. Собирались эти приближенные, в период самого разгара распутинской известности, преимущественно у него на квартире, в большинстве случаев по воскресеньям «на чай» или «на уху». Постоянными посетителями этих собраний, в достаточной степени многолюдных, были почти исключительно женщины, как А. А. Вырубова, девица Головина; его давнишние **{114}** почитательницы — г-жи Лахтина и Гущина, а также некоторые другие, менее им прельщенные, как, например, фрейлина Никитина, служившая связью между Распутиным и Штюрмером.

В сущности, все эти женщины были определенные психопатки, едва ли не страдавшие половой психопатией.

Иногда в этом кружке появлялись и случайные посетители и посетительницы, приводимые простым любопытством и желанием поближе посмотреть на человека, которому молва приписывала исключительную силу и значение. Бывали здесь, разумеется, и лица, стремившиеся использовать Распутина в своих личных целях, но политическим центром кружок этот не был. Для большинства в этом кружке Распутин был божество, искренно почитаемое выразителем велений, исходящих свыше.

Так продолжалось приблизительно до начала 1915 года, когда к Распутину проложили дорожку различные честолюбцы, сулившие ему великие блага за проведение их к верхам власти.

Едва ли не первым из таких был кн. Шаховской, добившийся через Распутина и неизбежную в подобных случаях Вырубову назначения министром торговли и промышленности. Следом за ним избрал тот же путь, снедаемый честолюбием, А. Н. Хвостов, впервые завязавший сношения с Распутиным еще в бытность свою нижегородским губернатором. Уже тогда он решил, что скорее добьется своих честолюбивых замыслов, если перейдет в ряды общественности, разумеется, той, которая выставляла на своем знамени беспредельную приверженность самодержавному строю и носителям царской власти. В 1912 году он попадает в члены 4-ой Государственной Думы и, хотя никаких особенных **{115}** талантов здесь не проявляет, но все же умудряется быть избранным в лидеры крайней правой фракции нижней законодательной палаты, где, конечно, продолжает выставлять на показ

свою преданность царской власти. Убедившись, однако, что этого недостаточно для получения министерского портфеля, он обращается к другим средствам, а именно к сближению с тем же Распутиным, а в особенности с А. А. Вырубовой.

Летом 1915 г. возникает парламентский блок и одновременно завязывается в среде совета министров борьба двух, резко противоположных, течений. Одно из них, возглавляемое членами совета пользующимися симпатиями и доверием прогрессивно настроенных общественных кругов, настаивает на сближении с общественностью, другое, наоборот, утверждает, что на общественное мнение не следует обращать никакого внимания.

В это самое время А. Н. Хвостов начинает усиленно посещать Вырубову. При этом он ей твердит о своей преданности Царю и Царице и пытается доказать, что он один способен, будучи поставлен во главе внутреннего управления страной, справиться со всеми задачами, выдвинутыми войной. Само собой разумеется, что он одновременно высказывается против всяких соглашений с парламентским блоком, называя такие соглашения не иначе, как капитуляцией власти перед безответственными политиканами, побуждаемыми исключительно личными честолюбивыми замыслами. Выражает он, конечно, и преклонение перед Распутиным. Г-жа Вырубова, уже увлеченная к тому времени своей ролью закулисной силы, без участия которой не решается ни один важный государственный вопрос, принимает на **{116}** себя роль предстательницы перед Царицей за А. Н. Хвостова и, совместно с Распутиным, достигает назначения этого беспринципного честолюбца на должность министра внутренних дел. Усердно содействует этому назначению, тоже завязавший к этому времени близкие отношения с Вырубовой, бывший директор департамента полиции С. П. Белецкий, который, в свою очередь, одновременно назначается товарищем министра внутренних дел.

С появлением у власти этих двух лиц, отличавшихся необыкновенной природной склонностью к интриге, все важные правительственные назначения происходят не иначе, как согласно задуманным ими тайным планам. Прежде всего они стремятся всецело подчинить своим замыслам Распутина, а, затем, заручившись его сообщничеством; они, отчасти через его посредство, отчасти путем своего личного воздействия, превращают Вырубову в свое послушное орудие.

В этих видах они заключают с Распутиным определенное соглашение, согласно которому за ежемесячное денежное вознаграждение, выплачиваемое ему из сумм департамента полиции, Распутин соглашается помимо них никаких дел не проводить и никаких ходатайств не поддерживать. Цель здесь преследовалась двойная: с одной стороны они хотели таким путем сделаться полными господами положения, с другой — надеялись успокоить общественное мнение, встревоженное влиянием Распутина, по возможности завуалировав это влияние.

В этот период, конца 1915 г. и начала 1916 года, все высшие назначения происходят не иначе, как согласно планам, выработанным А. Н. Хвостовым совместно с Белецким, причем надо признать, что они искали людей, способных, по их **{117}** мнению, успешно справиться с соответствующими отраслями управления.

Доказательством этого служат происшедшие за тот период

назначения таких лиц, которые ни Вырубову, ни Распутина совершенно не знали и даже не подозревали, что своим возвышением они обязаны их влиянию. Так именно происходит назначение А. Н. Волжина обер-прокурором Св. Синода и А. Н. Наумова министром земледелия. Правда, удержаться на своих должностях эти лица не могли, так как сойтись с Распутиным определенно не пожелали, а он этого не прощал и принялся уже по собственному почину их всячески дискредитировать.
(ldn-knigi; см. А. Н. Наумов «Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917» том I и том II, Нью-Йорк 1954г.)

Хвостов, как известно, тоже сравнительно не долго удержался у власти.

Убедившись, что Распутин понемногу перестает соблюдать заключенное с ним соглашение, что влияние его, получившее самую широкую огласку, вызывает все нарастающее общественное негодование и способно привести существующей строй к катастрофе, Хвостов, ничем не смущаясь, задумывает просто насильственно устранить самого Распутина, т. е. прекратить его земное существование. Узнав об этом намерении и, вероятно, сомневаясь в его удачном осуществлении, а также думая лично больше выгадать защищая Распутина, Белецкий раскрывает замысел Хвостова. Немедленным последствием является увольнение Хвостова от должности, причем не избегает опалы и сам Белецкий, также в скорости отставленный от всякой власти.

С падением Хвостова и Белецкого, закулисная работа Распутина и Вырубовой временно несколько ослабевает, пока новый образовавшийся кружок, центром которого является тибетский знахарь Бадмаев, не захватывает того положения, **{118}** которое сумели перед тем себе создать Хвостов и Белецкий.

В этом кружке цену Распутину знали вполне, ничего сверхъестественного в нем не видели, а просто хотели его использовать для осуществления собственных честолюбивых замыслов или материальных домогательств. Тут собирались такие определенно беспринципные люди, как А. Д. Протопопов, через этот кружок проникший к Вырубовой, а через нее в министры внутренних дел; тут был и П. Г. Курлов, б. товарищ министра внутренних дел при Столыпине, впоследствии, благодаря близости к этому кружку, вновь проникший на прежнюю должность. Тут же входил Распутин в соприкосновение с дельцами из промышленных и банковских кругов; имелась, по-видимому, в этом кружке связь и с влиятельными лицами среди еврейства. Наконец, тут же вертелись такие, сравнительно мелкие, но пронырливые и ловкие сошки, как Андронников и полу-журналист, полу-агент департамента полиции Манасевич-Мануйлов, которые, впрочем, уже давно сошлись с Распутиным. *(см. также книги А.И. Спиридовича; ldn-knigi)*

Под чарами Распутина здесь никто не был. Здесь шла совершенно определенная ловля высоких должностей и материальных благ. Принадлежа сами к категории людей ловких, хитрых и беззастенчивых, к тому же будучи, весьма далекими от всякой мистики, грубыми реалистами-циниками, они отдавали себе вполне ясный отчет в том, что представлял собою Распутин.

Ни о какой божественности здесь речи не было, а говорили ясно и определенно о способе достижения вполне конкретных целей.

Были ли среди этой пестрой компании лица, являвшиеся агентами врагов России?

Точно и документально установить этого нет **{119}** возможности, причем надо заметить, что следственная комиссия, учрежденная временным правительством, опросившая *всех* бывших министров, имевшихся у нее под рукой, продолжать свои изыскания в среде, могущей иметь связи с Германией, даже не пыталась.

Думать, однако, что сам Распутин был мало-мальски сознательным агентом Германии нет решительно никаких оснований. То обстоятельство, что проведенные им к власти министры не отвечали своему назначению, решительно еще ничего не доказывает, как не доказывает и то, что лиц, состоящих у власти, но относящихся к нему враждебно, (хотя бы они более или менее соответствовали основной цели момента победы над Германией), он стремился развенчивать и устранять из состава правительства.

Все личные интересы Распутина теснейшим образом зависли от сохранения существующего строя и укрепления престола. Рубить сук, на котором он сам так плотно уселся, очевидно, совершенно не входило в его расчеты.

Не исключено и то, что Распутин, желая укрепить положение династии, искренно стремился найти людей, способных довести войну до благополучного конца, обеспечить торжество России и утвердить в ней земский мир.

Разобраться, однако, в степени государственных способностей людей, он не был в состоянии и в виду этого все его рекомендации и были неудачны. Да и выбор у него был ограниченный, ибо какой, мало-мальски порядочный человек мог обратиться к Распутину за протекцией, да и вообще знаться с ним? Правда, что Распутин иногда поддерживал и таких людей, которых, может быть, по слухам, он считал пригодными для руководства, той им иной **{120}** отраслью государственного управления, хотя они к нему вовсе не обращались, но он сам, по-видимому, искал с ними знакомства.

Так, ко мне лично два раза приезжал от Распутина один из близких ему людей, с которым я был знаком, а именно Г. П. Сазонов, с просьбой познакомиться с Распутиным и принять его. При этом Сазонов говорил: «мы ищем способных людей, которые могли бы управлять страной».

Само собой разумеется, что Сазонов при этом решительно отрицал порочные наклонности Распутина, и в доказательство прибавил, что Распутин у него неоднократно ночевал рядом со спальней его дочерей.

— Ну, посудите сами, — говорил Сазонов, — допустил ли бы я это, если бы не знал лживости всего распускаемого про Распутина?

Со своей стороны я заявил, что для меня личные качества Распутина имеют значение второстепенное. Будь он чист как голубь, вред, им наносимый, от этого ничуть не уменьшается. Посторонние влияния на ход государственного правления, в особенности если они исходят не только от людей безответственных, но еще к тому же совершенно некомпетентных, — неизменно приводят к крушению существующего строя.

Мне известно, что с подобными же предложениями Распутин, через третьих лиц, обращался ко многим, причем, насколько я знаю, ответ на эти предложения получался неизменно отрицательный.

Не сомневаюсь, однако, что были и такие, которые вошли этим путем в сношение с Распутиным, но они молчали, ибо никто не разглашал

своего знакомства с этим грязным типом, боясь клейма общественного мнения.

{121} Да, вред, нанесенный Распутиным, огромный, но старался он работать на пользу России и династии, а не в ущерб им. Внимательное чтение писем Императрицы, заключающих множество преподанных Распутиным советов, приводит к убеждению, что среди этих советов, в большинстве случаев азбучных и наивных, не было ни одного, в котором можно усмотреть что либо мало-мальски вредное для России.

Действительно, что советовал Распутин'? «Не ссориться с Государственной Думой», «заботиться о народном продовольствии», «увеличить боевое снабжение армии», «беречь людской состав армии до достаточного снабжения войска оружием».

Относясь очень отрицательно к самому факту войны с Германией, утверждая даже, что, если бы он был при Царе в дни, предшествовавшие войне, он убедил бы его войны отнюдь не допускать, Распутин наряду с этим говорил, что, коль скоро войну начали, необходимо довести ее до победы.

В вопросах чисто военных он тоже проявлял обыкновенный здравый разум. Словом, при всем желании найти в его советах что либо, подсказанное врагами России, — этого не удается.

Обозначает ли это, однако, что вокруг Распутина не было лиц, стремившихся его использовать во вред России?

Германия, организовавшая такую широкую сеть шпионажа во всех враждебных ей странах, разумеется, не могла не попытаться использовать и Распутина в своих целях. Но, если германские агенты и пробовали воздействовать на верховную власть через Распутина, то, конечно, скоро убедились в полной невозможности этого достигнуть. Но могла быть у них и другая не **{122}** маловажная цель, а именно: иметь точное осведомление о том, что происходит в царском окружении, какое там господствует настроение, продолжает ли Государь столь же твердо держаться союза с западными державами, не замечается ли в нем колебания по вопросу о дальнейшем ведении войны против Германии, не проявляет ли он признаков утомления от затянувшейся войны, — все это для Германии представляло первостепенный интерес. Конечно, самое подробное осведомление по этим вопросам мог дать, сам того не подозревая, Распутин.

А что именно с этой целью, в надежде, быть может, почерпнуть и другие более конкретные сведения, хотя бы, например, о наших чисто военных планах и предположениях, германский генеральный штаб направлял некоторых из своих тайных агентов к Распутину, — это весьма возможно. Разбираясь в окружении Распутина, легко усмотреть среди близко стоявших к нему лиц и таких, которые по своему нравственному уровню были способны из за личной выгоды решительно на всякое предательство. Таковы были, несомненно, и кн. Андронников, и Манасевич-Мануйлов, и все же, думается, что они не были германскими агентами.

Правда, известно, что из числа людей, часто видавшихся с Распутиным, некоторые усиленно угощали его в дорогих ресторанах и доводили его до состояния полного опьянения, когда язык его развязывался окончательно и он охотно выкладывал все, что ему было известно о происходящем в Царском Селе.

На некоторых из них пало подозрение нашей контр-разведочной организации по обвинению их в работе на пользу наших врагов. Против них было даже возбуждено судебное **{123}** преследование, не доведенное до конца вследствие разразившейся революции.

Могли ли они использовать получаемые ими сведения во вред России? — другой вопрос; думается, что никакого реального значения сведения эти не имели.

В заключение, не могу не повторить еще и еще раз, что в особенности вреден и в особенности преступен был не Распутин, а та среда, которая его восприняла из неудержимого желания per fas et nefas (правдами и неправдами) либо разыгрывать политическую роль, либо проникнуть к власти, либо достигнуть почестей и материальных благ.

В результате получилось то, что, проникнутая исключительно высокими принципами, жаждущая принести пользу России и обеспечить ей победу над Германией, кристально чистая женщина была захвачена в паутину, которую неустанно и ловко плели вокруг нее умственно ограниченная истеричка, хитрый шарлатан и присосавшиеся к ним, ради достижения своих низменных личных целей, беззастенчивые и беспринципные карьеристы, жадные дельцы и всевозможные мелкие авантюристы.

Появление человека, сумевшего внушить доверчивой, мистически настроенной Царской чете, что он обладает даром прозорливости и исцеления, было лишь простой случайностью. Это обстоятельство только ускорило процесс распадения государственности, но само по себе породить его не могло.

Можно даже с уверенностью сказать, что и без происшедшего, благодаря Распутину, резкого изменения путей и способом достижения власти, крушение русской государственности, при том нравственном разложении правящего слоя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея, было, во всяком случае, не за горами.